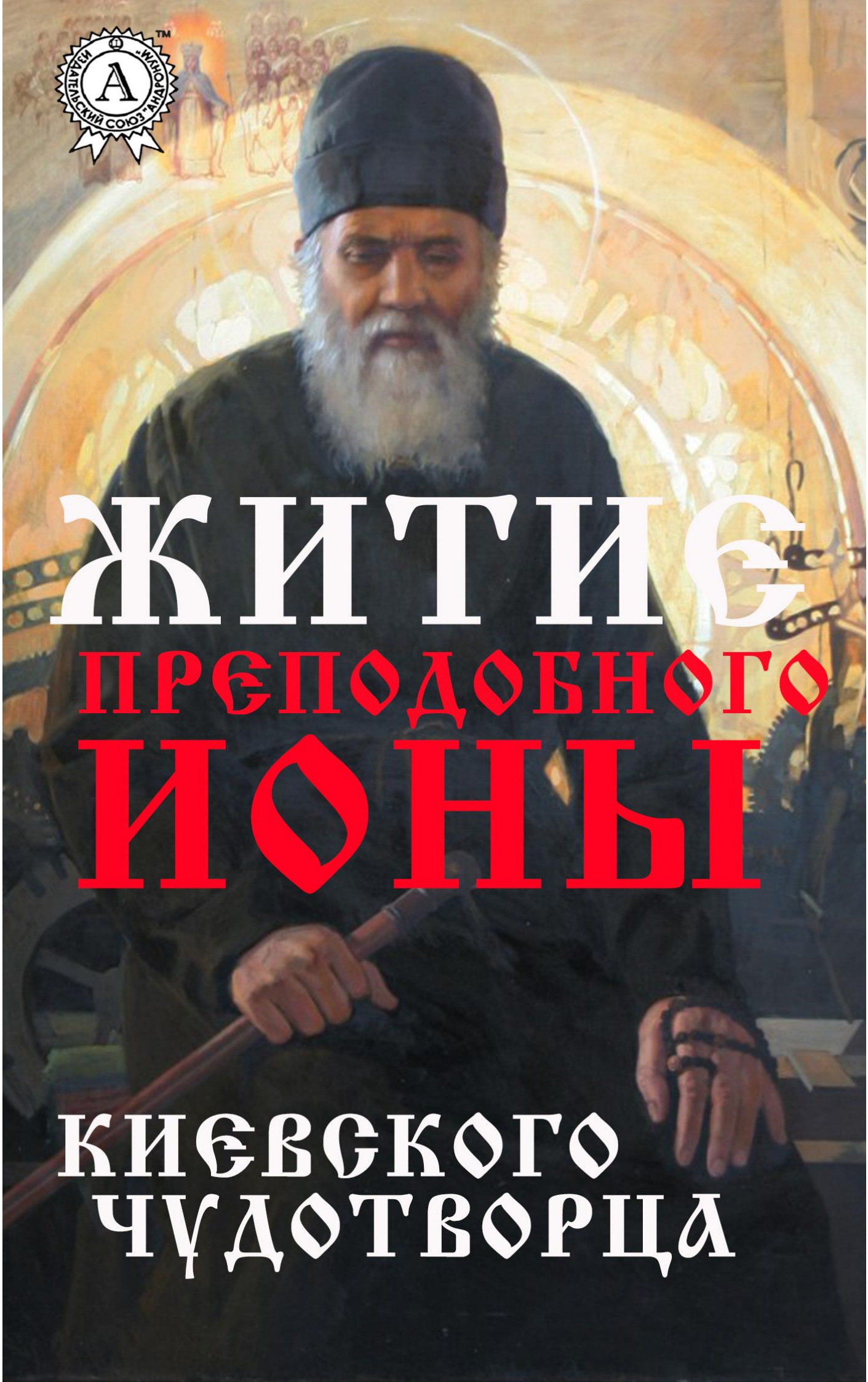

ЖИТИЄ
ПРЄПОДОБНОГО
ИОНЫ
КИЄВСКОГО
ЧУДОТВОРЦА

Вниманию читателей предлагается жизнеописание одного из выдающихся старцев XIX века архимандрита Ионы, основателя и настоятеля Киевского Троицкого монастыря. Написанная в Греции, в 2009 году она была переведена и издана в Киеве и получила самые высокие отзывы. Помимо биографических сведений о жизни преподобного Ионы, канонизированного Православной Церковью в 1995 году, издание содержит воспоминания о старце, некоторые его письма духовным чадам и свидетельства помощи по его молитвам. Жизнь и дела преподобного Ионы, прожившего около 100 лет, высоко поучительны и наглядно свидетельствуют, как много может достичь человек при энергии, самоотверженной деятельности и любви к своему делу.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ИОНЫ, КИЕВСКОГО ЧУДОТВОРЦА
Перевод с греческого архимандрита Кирилла (Говоруна)

По благословению Блаженнейшего Митрополита Киевского и всея Украины Владимира

Киев
Свято-Троицкий Ионинский монастырь
2008

Вступление

Вниманию читателей предлагается жизнеописание одного из выдающихся духовных деятелей России прошлого века старца Ионы, в схиме Петра, бывшего основателем и настоятелем Киевского Свято-Троицкого монастыря. В 1995 году в серии «Подвижники благочестия XX столетия» была издана книга, в которой были напечатаны рукописи отца Ионы с записями его видений, а также воспоминания о нем различных лиц. Однако эта книга не содержала жизнеописания как такового, а материалы, собранные в ней — особенно это касается текстов, принадлежащих самому старцу, — были поданы в неотредактированном виде, а потому для многих читателей оказались неудобочитаемыми.

Благодаря этому возникла необходимость в написании новой книги об отце Ионе, в которой были бы использованы упомянутое издание и материалы, подготовленные для его причисления к лику святых, которое состоялось в 1995 году. Однако изначально такая книга была написана не на русском, а на греческом языке. Ее подготовку и издание осуществил монастырь преподобного Симеона Нового Богослова в Аттике. Он и до этого занимался изданием книг созерцательно-аскетического содержания. Так здесь вышли в свет некоторые произведения преподобных Феодора Студита, Симеона Нового Богослова, Никодима Святогорца и других святых отцов. Затем здесь узнали о русском старце Ионе и о его монастыре, который стал столпом подлинного монашества в России перед се катастрофой 1917 года и в котором нашла себе продолжение

византийская традиция исихазма и древние принципы общежительства. Поэтому книга об отце Ионе и его обители должна была органически войти в серию изданий перечисленных выше святых отцов.

Основная работа по подготовке текста была выполнена игуменом монастыря старцем Христодулом, который за сбивчивыми строками рукописи увидел глубину подлинного святоотеческого опыта и раскрыл се на страницах книги. Автор этих строк был свидетелем того, как, например, отец Христодул воссоздавал позу, в которой преподобный Иона занимался творением Иисусовой молитвы и которая была описана им самим в рассказах о явлении Божией Матери. Оказалась, что эта поза полностью, до малейших деталей, соответствовала методу молитвы византийских исихастов. Так прослеживались нити, которые через преподобных Серафима Саровского и Паисия Величковского связали Ионинский монастырь с древним монашеством.

Над этой книгой в ее греческом варианте была проведена большая как филологическая, так и духовная работа, в которой кроме отца Христодула приняли участие все братья обители преподобного Симеона Нового Богослова, а также множество других лиц. Первые отзывы о книге в Греции были самыми положительными. Люди, читавшие ее, были поражены высотой жизни отца Ионы и обилием видений ему. Теперь с книгой может познакомиться и отечественный читатель благодаря ее переводу, выпущенному в свет Ионинским монастырем.

Детство и юношество

Старец Иона (в миру Иван Мирошниченко) родился в 1802 году в местечке Крюков Полтавской губернии. Его родители — Павел и Пелагия — были простыми мещанами. Семья жила в бедности, и родители Ивана не могли дать ему хорошего образования. Единственное, чему он обучился в детстве, — это чтение. Как и большинство других детей его сословия, читать он учился по Часослову и Псалтири.

Начиная ещё с младенческого возраста и на протяжении всей жизни Иван имел множество Божественных откровений и знамений. Он сам описывает чудесные явления некоего старца, который водил его по небесным обителям, когда Иван был ещё младенцем. Благодаря этому ему посчастливилось увидеть «новую землю», которая была чистой и светлой, подобно лучезарному кристаллу, и «новое небо». Там он удостоился увидеть Господа посреди невечернего света. Его Божественное лицо было светлым, мирным, полным благости, которая влекла сердце и дух мальчика к Божественной любви.

Также он стал созерцателем небесной и вечной литургии, которую совершали небожители: Ангелы и Архангелы, лики святых пророков, апостолов, святителей, царей, священников, мучеников и всех праведников…

Такое же видение повторялось у Ивана и позже, когда ему было семь и десять лет. Как и в первый раз, его проводником был тот же старец, который оказался святым Иоанном Богословом. После стольких Божественных знамений, как избранное чадо Божие, он без всяких колебаний решил посвятить себя Богу. С малых лет он полюбил посещать окрестные монастыри, а в 1824 году, будучи девятнадцати лет от роду, он оставил отчий дом и пошёл искать монастырь, в котором бы остался монашествовать.

Как примерно за полвека до этого Прохор Мошнин — впоследствии старец Серафим — ходил в Киев, чтобы испросить совета, где ему монашествовать, так и Иван решил отправиться к святыням Киева, чтобы поклониться им и чтобы Бог, если Ему будет угодно, открыл, в какой монастырь ему следует поступать.

Поклонившись Киево-Печерским угодникам и побывав у других киевских святынь, он начал просить Господа и Богородицу открыть ему Божию волю. И вот однажды, когда он молился в Успенском соборе Киево-Печерской Лавры перед чудотворной иконой Богородицы, ему неким чудесным образом было открыто идти в Саров к старцу Серафиму.

Первые подвиги

Иван немедленно отправился в Саров. Здесь его уже ждал преподобный Серафим. О встрече с ним рассказывает сам старец Иона в своем письме к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву:

«Я, исходя из мира и оставляя его навсегда, вручил всего себя Господу, Всесвятой Владычице Госпоже Богородице и всем святым и не имел в мыслях ничего иного. Достигнув богоспасаемого града Киева, я совершил должное поклонение святыне и после этого, по указанию Божией Матери, отправился в Саровскую пустынь — не в монастырь, а прямо к тамошнему старцу, отцу Серафиму, который жил в лесу в уединении. А он, выйдя мне навстречу, говорит: «Что ты так долго медлил? Я тебя ожидаю уже два года». Им я был помещён жить вместе с другим братом — его же послушником — на протяжении лет четырёх. Пробыл я у него без двух месяцев восемь лет.

Потом он нас обоих позвал к себе и горько-горько зарыдал. Долго плакал, а потом говорит: «Пречистая

Владычица Госпожа Богородица, Прибежище наше, Заступница и Руководительница наша, повелела отпустить вас. Она благоизволила указать вам место для жития. Ты, брат Алексий, иди к старцу Феофану мудрому в Валаамскую обитель, а ты, брат Иоанн, иди в Белобережскую пустынь к мудрому старцу, схимонаху Феодору, ученику архимандрита Молдавского Нямецкого монастыря Паисия, и будь ему верен, как мне. Однако он не будет с тобой долго — его изгонят. Тогда он отдаст тебя старцу Афанасию мудрому, которого зовут прозорливым, но ты и у него не будешь долго — через два года он отойдёт в вечность. Тогда боголюбивый старец Афанасий отдаст тебя опытному и мудрому старцу, другому отцу Афанасию. Все они — ученики архимандрита Паисия. Они все, а также и другие вместе с ними, вышли из Молдавии, спасаясь от набегов турок из-за войны с Турцией. Потом ты долго будешь при старце Афанасии втором, а пред своим отходом ко Господу он поручит тебя иному старцу Авелю, такому же, каков он сам.

По кончине этого последнего старца ты должен быть готов к назначенному тебе великому делу — тому, которое уготовил тебе Всеблагой Господь, Всесвятая Богородица и все святые с Нею. Ты должен будешь идти в город Киев и потрудиться там в созидании и устроении мужского общежительного монастыря — великого и дивного для всех и полезного многим спасающимся в нём во славу Божию. Ибо восхотел Господь показать и явить силу Свою и благодать в последние дни. И я предупреждаю тебя: будь недвижим мыслью, духом и сердцем твоим, оставайся всегда спокоен. Верно служи Ему и благоугождай, и на тебе совершится слово святого пророка: *встань, спящий, и воскресни из мёртвых, и осветит тебя Христос* . Внемли благому Владыке Господу, ибо Всеблагой Господь, Его Всенепорочная Матерь Всесвятая Богородица и множество великих святых троекратно посетят тебя и благословят на святое дело. Тогда тебе будет указано место, а ты приложи труд во славу Божию, будь готов ко всем трудностям, которые встретятся тебе на пути этого делания, не ослабевай и не изнемогай. Доверься милости Божией и помощи Божией Матери и святых, ибо они есть и будут с тобою. Помни, что Господь Бог избрал тебя орудием Своих святых дел и исполнителем Своей священной воли».

И, сказав это, старец помолился со слезами Господу Богу, Матери Божией и всем святым и отпустил нас, дав немного сухариков. И мы пошли по назначенному нам пути. Нелегко нам было оставлять его — своего отца и учителя. Мой брат Алексий не перенёс скорби и скончался в пути, а меня, грешного, Господь Бог, Божия Матерь и все святые сохранили, и вот я живу до сих пор».

Со святым Серафимом Иван прожил восемь лет. За это время он научился творению умной молитвы. Тогда было положено основание его духовной жизни. Не случайным был тот факт, что святой Серафим послал его к ученикам преподобного Паисия Величковского. Как преподобный Серафим, так и преподобный Паисий со своими учениками представляли истинное монашество в России той эпохи, когда оно находилось в состоянии упадка. Преподобный Серафим и монахи так называемой аскетической школы преподобного Паисия были скорее исключением, чем правилом в монашестве того времени. Большинство монастырей не соблюдали древних правил общежительства и более походили на мирские учреждения. Настоятели, например, мало интересовались духовным состоянием монахов, и те жили, как хотели: могли свободно выходить за пределы монастыря, пропускать богослужения, иметь тесные связи с мирскими людьми и особенно женщинами и вообще нарушать общежительные начала. Практически повсеместно была забыта традиция умного делания. Очевидность этого упадка описывается самим старцем Ионой в его рукописях.

Преподобный Иона имел исключительное благословение научиться истинному монашеству, чтобы затем применять эти уроки, полученные ещё в молодости, в своём монастыре Святой Троицы, который стал делом его жизни.

Итак, преподобный Серафим указал двум своим ученикам, куда каждому идти. Ивана он послал в Белобережскую пустынь, а Алексия — на Валаам. Алексий, как было рассказано выше, не вынес разлуки с преподобным Серафимом и от скорби умер в дороге. Иван же благополучно достиг указанной святым обители.

В Белобережской пустыни

Что представляла собой Белобережская пустынь в то время? Тогда это был один из лучших монастырей России. К концу восемнадцатого века, как и большинство монастырей екатерининской эпохи, он находился в упадке, и Орловский епископ Досифей призвал сюда старца Василия — одну из самых замечательных личностей русского монашества того времени, — чтобы он обновил жизнь обители. В результате вокруг старца собралась избранная братия, в числе которой просияли: иеромонах Клеопа, схимонах Феодор, Оптинский старец Леонид, отец Серафим (впоследствии игумен Площанского монастыря), отец Мелхиседек (впоследствии игумен Симоновой обители в Москве), отец Филарет (впоследствии игумен Глинской пустыни), отец Арсений (друг святителя Филарета Московского) и другие.

Основатель Белобережской пустыни, старец Симеон, принёс сюда в 1725 году из Москвы икону Божией

Матери «Троеручица», от которой в 1831 году начали совершаться чудеса. Преподобный Иона вспоминал, как однажды зимой сопровождал в числе других четырех человек развозимую по окрестностям икону Троеручицы. Переезжая через мост, лошади провалились под лед, и дверцу кареты припёрло льдом так, что ее невозможно было открыть. Отец Иона тогда вышиб стекло окна ударом кулака и затем снес дверь с петель. Все успели выйти, и даже спаслись лошади. Когда при первой остановке стали служить благодарственный молебен и отворили раму иконы, то изнутри посыпались осколки стекла, то были обломки оконного стекла. Их разобрали на память, и на своем осколке старец дал написать икону Троеручицы и вставил этот треугольный осколок в деревянную раму.

Позже список с этой иконы стал самой большой святыней монастыря Святой Троицы старца Ионы.

Здесь следует добавить, что после блаженной кончины старца Симеона от его останков, которые находились под спудом, происходили чудеса.

Итак, именно в эту обитель пришёл Иван по указанию преподобного Серафима. Однако сразу его не приняли, потому что у него не было необходимых документов. Чтобы получить их, он вынужден был возвратиться домой. Иван достал необходимые бумаги и принёс их в монастырь. 4 мая 1836 года он был записан в число братии как послушник. 19 декабря 1843 года он был пострижен в монашество с именем Иона, а 26 июня 1845 года рукоположен в сан диакона.

Из воспоминаний старца Ионы известно, что некоторые монахи Белобережской пустыни, особенно те, которые были при власти, сразу же невзлюбили его и начали ему всячески досаждать. Они задались целью изгнать его из монастыря, однако им не удавалось этого сделать, потому что своё покровительство ему оказывал игумен. В конце концов, они добились того, что отец Иона был удалён от остальной братии и заключён в своей келии. Только его старцу разрешалось посещать его. Отец Иона оказался в невольном затворе, который, тем не менее, принёс ему большую духовную пользу, так что он, по его собственным словам, «был как бы вне тела».

Когда он освободился из затвора, начались новые испытания. Старшие монахи вступили в заговор против игумена и хотели сделать своим соучастником и отца Иону. Тот, однако, отказался, вновь вызвав ненависть к себе. Его старец, отец Авель, к тому времени уже умер, и отец Иона не имел никакой опоры.

Заговорщикам удалось лишь поменять гостиничного и поставить своего человека — монаха Кесария. Однако не замедлило прийти наказание Божие: нового гостиничного разбил паралич, он не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, ни языком.

Тогда старшие монахи приказали отцу Ионе смотреть за больным и никуда от него не отходить, так что он не мог пойти даже в церковь. Отец Иона с радостью и готовностью принял это испытание.

Однако с приближением праздника Богоявления он почувствовал большую скорбь, что опять не сможет участвовать в праздничном богослужении. Но Господь утешил его одним чудесным способом, о котором рассказывает сам отец Иона:

«Целый день четвёртого и пятого января мне было тяжело. Уже настал вечер по окончании Божественной литургии и освящения воды. Принесли святую воду из церкви и дали нам. Я дал святой воды больному старцу, помочил ему голову, а также сам выпил немного и помочил голову. И вот идут старцы со святым крестом и святою водою. Они и меня удостоили приложиться ко святому Господнему кресту и покропили святою водою — всё так же с укоризнами. И когда старцы ушли, я начал заботиться о больном. Я всегда давал старцу сначала чай, а потом, немного погодя, пищу. Сам поил его: повернув немного набок, подавал ему чай и пищу. Затем он обычно засыпал. Так было и в тот раз. Сам я тогда едва принудил себя принять пищу. Посидел я немного на скамеечке… Затем почитал молитвы на сон грядущим, и сел творить молитву Иисусову: потушил огонь и старался преодолеть вражье ополчение против меня… Я был сильно уязвлён сердцем в своей скорби — даже до ослабления. Совершенно слёг, едва дух переводил, и так лежал почти без памяти, как пласт, и мой дух едва был во мне. Было и немного слёз, и какое-то тяжёлое давление духа, так что я никак не мог укрепиться и не поддаться этому давлению. Лежал, и у меня была только одна мысль, только об одном я просил Господа Бога, Божию Матерь и всех святых: «Помогите мне в это время отчаянной скорби». Был я тогда очень слаб духом.

Помню теперь, что человеческому естеству трудно было перенести все те ощущения, какие были у меня: тяжесть и ослабление всего тела и духа, которые угнетали невыносимо. Если Господь Бог, Матерь Божия и все святые мне не помогут и не поддержат меня — кто тогда поможет? Так я лежал. Потом пришла мысль, что вот уже скоро будет благовест к праздничному всенощному бдению. Вся братия в святом храме Господнем, молится с Ангелами Божиими, а ты до чего низведён?! Смотри, какое твоё бытие и какой тебя ждёт конец. Ты не увидишь праздничного богослужения и близко уже твоё изгнание из святой обители. И вот тут-то горесть и слёзы начали давить меня, едва не до исчезновения духа.

Так лежал я, и у меня совсем не было сна, да и откуда он мог прийти ко мне, бывшему в таком состоянии. Ударили в колокол… Святое богослужение начали в десять часов. Мне стало ещё тяжелее: все братья будут в церкви, а я и теперь не могу там быть, — и слёзы полились из моих очей. Дверь келии была

немного приоткрыта, и вот кто-то входит ко мне и говорит: «Благодать, милость и мир Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа здесь со входом Его есть». Я лежал на боку и подумал, что это пришёл проведать нас другой гостиничный, бывший помощник отца Кесария, поэтому лежал далее с закрытыми глазами.

Пришедший стал поодаль от меня и говорит: «Хороший воин, но нетвёрдый, нетерпеливый и нерешительный». Пришедший коснулся Своей рукой моей левой руки и говорит: «Зачем ты опять поддаёшься смятению и изнеможению — разве ты оставлен? Встань на ноги и прими силу и бодрость духа», — и взял мою руку. Я не понял, Кто это был, но глаз своих так и не открыл, как у меня есть обычай — в потёмках глаза у меня всегда закрыты. Я всё думал, что это пришёл гостиничный, да ещё и негодовал на Него, почему Он меня тревожит, — мне и так горестно, а Он ещё прибавляет мне скорби. Но когда я открыл глаза, то увидел великий свет и Его сияние. Я ужаснулся, упал замертво и ничего не чувствовал, не понимал и не помнил. Я совершенно не знаю, долго ли это длилось со мною, а только почувствовал на своей грешной голове Чью-то руку, от которой по всему моему телу потекла жизнь.

И Он, сияя светом, говорит: «Дух его в нём есть». Он придвинул к Себе чурбан и сел, а также меня окаянного придвинул к Себе, к Своим пречистым Божественным ногам, так что моё ничтожество видело Его до колен. И Он говорит: «Отчего так скорбишь?» И я, окаянный, наконец-то ясно узрел и познал Господа Бога Спаса моего Иисуса Христа. И Он говорит мне ласковое слово, исполненное милости, любви, сладости и жизни: «Смотри и потрогай Мои руки, ноги, язвы Моего ребра и познай, что Я не привидение… Я ранами Моими пришёл исцелить тебя, так же, как и других подобных тебе малодушных». И благоизволил Всеблагой Владыка показать руки, язвы, раны от гвоздей глубокие и большие, Свои кровавые ноги, на которых раны были ещё более глубокие, окровавленные, живые, как сейчас прободенные, потом Своё Божественное ребро и говорит: «Смотри, не бойся, осяжи, посмотри, ибо Я пришёл спасти человека». И рана в правом боку была глубока, окровавлена, как сейчас прободенная. «Не бойся, смотри и узри всего Меня. Я люблю людей, и радует Меня чин монашеский, и благоволю к инокам».

И я, окаянный, не смел к Нему прикоснуться. Но Бог благоизволил взять Своей десницей мою руку и поднёс мои персты к язвам рук и ног, а также к Своему пречистому и Божественному ребру. Ужас и страх поразили меня. Он Бог — и до кого снизошёл! О Боже мой, Боже мой! О глубина и богатство милости Твоей! Захотел спасти бренного и ничтожного человека. Когда я так подумал, Господь говорит мне: «Таковы дела Мои, воля и хотение, чтобы всем спасёнными быть и помогать благотекущему в напастях. Я пребываю со скорбящими, гонимыми и страждущими. С радующимися Я радуюсь, и если кто имя Моё где-либо помянет, там Я пребываю. И ты, боголюбивый инок, отныне бодрствуй, стой твёрдо и мужественно и никогда не впадай в малодушие, потому что Я с тобой…»

«…Ещё говорю тебе: не помышляй, будто Я далеко от тебя, и не допускай этих мыслей, пусть не остынет дух твой, ведь Я всегда с тобою».

И возложил Всеблагой Бог Божественную длань десницы Своей на скверную мою голову и говорит мне, обратив Своё Божественное лицо к лежащему больному отцу Кесарию: «Едва начал, ещё не преуспел, но уже изнемог… Так происходит с некоторыми людьми. Послужи ему в болезни его до конца, ибо ему это будет во спасение». Затем Он обратил Своё Божественное лицо ко мне и говорит: «Дерзай, проводи нас немного».

И вышел Господь со всеми во двор и стал там, где стоит святой образ Всесвятой Владычицы Госпожи Богородицы «Троеручица», стал прямо перед образом и говорит: «Чти ты и все верные, принявшие искупление Моею Кровью, святой образ Пречистой и Всесвятой Матери Моей… Достойно есть и праведно чтить Её, равно как и святой Её образ, потому что чрез Неё миру спасение даровано! Весь мир Ею спасается, и Ею все любящие Бога спасаются и спасутся». И я сказал: «Аминь»…

И выйдя из ворот, Господь Сил стал прямо у святых врат обители и глаголет: «Величают Всесвятую Матерь Света на девятой песни». И ударили в колокол, и било к девятой песни…

И светлое облако подняло вверх Господа Славы. И был великий и неисповедимый Свет от сияния Славы Господней. И я возвратился в келию в страхе и умилении сердца моего…»

Между тем пришло время совершиться предречённому преподобным Серафимом, то есть тому, что отец Иона будет призван совершить священное дело основания новой обители, которая должна будет жить по истинным монашеским правилам, заповеданным святыми отцами.

Пришло время, чтобы ему трижды явилась Божия Матерь и подвигнула его к этому священному служению. Эти небесные явления описаны самим отцом Ионой. Во время чудесных видений отец Иона всегда пребывал в священном делании умной молитвы. Положение его тела при этом полностью соответствовало учению византийских монахов-исихастов, которое он перенял от преподобного Серафима и учеников преподобного Паисия Величковского.

Первое явление Божией Матери

«Это было примерно в мае или июне 1847 или 1848 года, — точно не помню. День был воскресный, то ли праздничный, а какой именно праздник был — не помню, так как я никогда не делал тогда записей, жил спокойно, предавшись во всём воле Божией и святому послушанию, никогда ничего иного не избирая в уме, сердце и душе и ни о чём никогда не помышляя. Был покоен духом, умом, сердцем и совестью перед Богом и святой обителью.

У меня даже мысли никогда не было о переходе в другую какую-либо святую обитель, потому что я знал и чувствовал свою неспособность и невежество. Одно всегда было у меня на сердце, уме и душе: как бы послужить Господу, благоугодить Ему и всего себя ему сохранить, любить Его неизменно всем сердцем, всею душою и всеми чувствами, всегда пребывать в истинной любви к Нему, желая всегда во всём быть Ему угодным…

И вот однажды, после трапезы, я пришёл в свою келию, совершил по обычаю святые благодарственные молитвы ко Господу Богу, Матери Божией и всем святым с поклонами, как мне было указано от старца, снял с себя монашескую одежду, сложил её, потом скинул с ног башмаки и остался в одних холщовых чулках. Дверь келии была закрыта на крючок. Я сел в средней келии на скамейке, опёршись локтем на стол, стоящий возле края скамейки. Правой рукой опёрся в правый висок. Был я в белом холщовом халате. Ноги поджал под себя и, слегка упёршись в стенку, сидя занялся молитвой Иисусовой, держа чётки в левой руке. И так благодатью Божией продолжал молитву Господню. Пробыл в делании молитвы, может быть, несколько минут или полчаса. Мысль была ровной и тихой, направленной на это делание.

И вот вдруг кто-то за дверью, в сенцах передней келии, творит молитву. Тонкий голос произносит слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Я слышу, но молчу, не отвечаю. Потом второй раз кто-то так же творит молитву, и я опять не отвечаю «Аминь». И вновь тонкий голос творит такую же чистую и пространную молитву, но я опять не отвечаю, потому что голос похож на женский. После этого отворяется дверь передней келии и вновь раздаётся голос, творящий молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас…»

Я с недовольством взглянул на дверь, так как сидел на скамейке прямо напротив её. Однако, посмотрев, ужаснулся и упал на пол со скамейки, совершенно не чувствуя в себе жизни, и был как мёртвый. Ничего не мог увидеть и запомнить, и только когда рука Пришедшей коснулась моей головы и лба, жизнь влилась в меня. И тонкий голос говорит: «Дух в нём есть». И я от того пришёл в себя. Лежа на полу посреди келии, я открыл глаза и увидел страшное и ужасное видение — стоявшую надо мной Всесвятую Владычицу мою Госпожу Богородицу и с Нею ещё кого-то в тени. Сияние света было ужасно велико. И Она говорит ко мне, скверному: «Поднимись и стань на ноги свои. Ибо мы со всеми святыми, которые со Мною, пришли к Тебе возвестить дело святого послушания, чтобы ты принял труд, потрудился в нём и послужил Господу Богу, благоизволившему явить в тебе сокрытую тайну, сущую от века».

И я, окаянный, лежа ниц у пречистых Её ног, как мог дерзать встать? Очень, очень вострепетала душа моя, и как только не исчез дух мой во мне?…

И говорит мне Многомилостивая Владычица: «Дерзай, ободрись и стань на ноги». И взяв меня Своею Божественною рукою, подняла меня. Но я, окаянный и наихудший из всех людей, не смел стать на ноги, стоял на коленях и явственно увидел всех благоизволивших прийти сюда со Владычицею: божественных святых апостолов Петра, Павла, Иакова, Иоанна, Луку, святителя Христова Николая, святого великомученика Георгия Победоносца, святых великомучениц Варвару, Екатерину, святую мученицу Февронию и преподобную мать Евфросинию, игуменью Полоцкую. Все предстояли Владычице Богородице в великом благоговении, смотря на меня, гнусного и окаянного человека.

«Слушай, боголюбивый иноче, и трезвись. Ободрись и открой уши твоего сердца. Всеблагой, Всесильный и Многомилостивый Господь Сил, Господь Бог, Мой Сын, благоизволил явить в тебе Свою милость ко всем любящим Его. Да совершишь волю Его и исполнишь Его Божественное хотение, чтобы явить славу Его в последние дни. И явишь предо всеми Его святое имя, силу, крепость, величество, милость и благоволение к людям, живущим ныне на земле, и потомкам их… Избрал тебя Господь Бог, Сын и Бог Мой, орудием Своего святого дела и благоизволил послать Меня и святых, которых ты видишь предстоящими со Мною, к тебе». И начала Святая Владычица называть их всех по имени.

«Тебе нужно оставить эту святую обитель и прийти на иное место, там ты Ему послужишь и совершишь Его Божественную волю. Его же Божественная воля состоит в том, чтобы на месте, которое тебе будет показано, была устроена обитель во имя святое Его. И да соберутся в ней боголюбивые иноки прославлять Его святое имя, служить и благоугождать Ему. А ты, слыша это, не возмутись от этих слов. Знай, что Господь Бог, Сын Мой, будет там, и Я там буду. И пребудем там во веки. Бог поставит тебя там лишь орудием, всё же делание принадлежит Ему…»

Услышав это, я пал к Пречистым Её ногам и, слезами орошая пол, говорил: «Молю Тебя, Всесвятая

Владычица, оставь мя здесь почить и положить кости мои во обители на все веки. Ибо я скудоумен, нищ, худ, грешен и на всякую слабость и страсть немощен. А для этого дела нужен муж правды, исполненный мудрости и силы, ума, смысла и разума, духовно просвещённый свыше Божественной благодатью, добронравный и благоискусный деятель, подтверждающий всё это жизнью и делами. Человек, исполненный веры, надежды и любви. Я же всего этого в себе не вижу и совсем не имею. Я не подготовлен к этому священному и великому делу и не посвящён в Святое Писание. Вижу себя крайне невежественным и совершенно неискусным и неопытным в деле устроения. И ещё, Владычица Всесвятая Богородица, Мати Милостивого Бога и Сама Милостивая, молю Тебя: оставь меня здесь окончить дни моей жизни».

Всесвятая Владычица Госпожа Богородица говорит мне: «Напрасно ты беспокоишься и сопротивляешься воле Всеблагого Бога, желающего благоустроить дело благое, полезное и спасительное верным Его людям и явить всесвятое имя Свое в человеках… Вспомни всё, что встретил Савл, дышавший противлением и гордостью, бывший против Господа Иисуса Христа и гнавший Его Святую Церковь и верных рабов. Вот он здесь ныне предстоит тебе, спроси его, и он тебе всё поведает. Ибо он испытал тогда силу Божию, и с того времени он — святой апостол Христов, Его верный раб, слуга и проповедник. К тому же ещё скажу тебе, что жить тебе здесь уже неполезно. И не сопротивляйся Сыну и Богу Моему, а также Моей воле и желанию. Иди и потрудись, и благо тебе будет».

Я опять начал просить Владычицу оставить меня здесь…

И говорит Владычица мне, скверному: «Подумай хорошенько и помни, что Я тебе худого не мыслю, а ищу тебе благо, как и всем другим». И Владычица, всё мне сказав, вновь говорит: «Послушай, подумай, а Я к тебе опять приду».

И так Пречистая вышла из келии и говорит мне: «Проводи нас». Выйдя из келии и сеней на крыльцо вместе со святыми, Она обратилась ко мне, окаянному, и говорит: «Поразмысли, а Я вновь буду у тебя». И я, окаянный, поклонился к ногам Владычицы, но не восхотел покориться воле Божией и Богородицы. Поднялся на ноги и увидел Её, шедшую к церкви через паперть».

Второе явление Божией Матери

В скором времени Божия Матерь, как обещала, вновь посетила преподобного Иону. Это посещение было весьма похоже на первое:

«Помню, был какой-то праздник, как будто Святой Троицы, в воскресенье. После трапезы помолился я Богу, Матери Божией и всем святым, разделся, скинул башмаки, оставив на себе только белый холщовый балахон и чулки. Взял чётки и сел на скамейку, поджав под себя ноги. Облокотился на правую руку, приклонившись спиною к стене, а правым боком — к угольному столику, который стоял под святыми иконами. Ни о чём не думал и не помышлял, заботясь только о молитве Божией, и занялся молитвой ко Господу Иисусу Христу.

И когда прошло минут пять, слышу тихий, ясный, чистый голос и слова святой молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Я слышу, но молчу. Потом второй раз — я молчу. Третий раз — я опять молчу. Но для меня это было уже тягостно. Во мне появился гнев, что кто-то самовольно мешает мне в молитве Божией, и я думаю: постучит, да и уйдёт. Но нет. Потихоньку келейная передняя дверь отворяется, и тут входит Святая Владычица. Я, окаянный, узрев Её, ужаснулся страхом великим и мёртвым упал со скамейки на пол, и что со мной было — не помню. Я был совершенно без жизни и чувств… Когда же рука Владычицы Всесвятой Богородицы коснулась моей головы, сейчас же по всему мне и во всём мне потекла жизнь. И слышу я, как тонкий, нежный и чистый голос говорит: «Дух его в нём есть».

Она, держа Свою руку на моей голове, говорит: «Встань на ноги». Святая Владычица взяла Своею правою рукою мою руку и подняла меня. Но я, окаянный человек, не смел стать на ноги и стоял на коленях, потупив глаза и слушая Её великие слова, исполненные Материнской любви: «Вот, снова пришли к тебе, исполняя завет Господа, Сына и Бога Моего, Спаса всех. Что ты решил о себе и о послушании, к которому призывает тебя Господь Бог?» И я отвечал: «Об одном прошу Тебя, Всемилостивая Владычице Госпоже Богородице, умилостивись ко мне, чтобы мне навсегда остаться на этом месте, где сейчас нахожусь». Всесвятая же Владычица, истинная Промыслительница блага для всех, не пренебрегла мною, окаянным, и говорит: «Напрасно волнуешься своим сердцем, суетным помышлением, и колеблется ум твой. Разве Я хочу тебе зла или пытаюсь погубить тебя? Тогда Я говорила тебе, и ныне то же самое говорю: благоизволил Господь Бог открыть тайну, которая была издревле, чтобы на горах и месте том был устроен дом во имя святое Его, и вот время пришло. Восхотел Господь дать тебе это дело, избрав тебя орудием. Помни и разумей: ты только орудие, а всё дело, труд и попечение принадлежит Ему. Вот, смотри, святые, пришедшие со Мною, свидетельствуют все слова Мои к тебе».

Я, окаянный, посмотрел и увидел всех святых, предстоявших в неисповедимом величии, какого никакими словами нельзя выразить. Святая Мария Магдалина, святая первомученица Фёкла, Варвара,

Екатерина, святитель Христов Николай, Георгий Победоносец, Феодор Тирон, Феодор Стратилат, святая царица Александра, святые апостолы Пётр, Иаков, Иоанн, Лука, Симон Зилот и Иаков, первый епископ Иерусалимский, святой Иоанн Милостивый, святой равноапостольный Константин, Великий князь Владимир, Александр Невский, святая Ольга. Все они стояли в великом благоговении и молчании, внемля словам Владычицы. Я же, окаянный, всё об одном просил — оставить меня здесь…

Тогда Святая Владычица по-матерински говорит мне: «Будь внимателен, смотри хорошо, потому что лучше тебе покориться Господу и всесвятой воле Его. Здесь, в святой обители этой, многое изменится, и она ослабеет в управлении и обычаях. Сюда придут иные правители, которые будут держаться новизны, следуя своему мудрованию. Они внесут новизну и весьма приблизятся к мирским людям, которых введут к себе. И будет здесь среди братии суета, шатания и озлобление. Будут сражаться против праведных и поносить старцев… Будут говорить: «Что нам слушать этих злых старцев. Они своё отжили, теперь наступило наше время. Не будем внимать их жизни и слову. Наше учение лучше, чем их. И если эти старцы хотят быть в мире с нами, пусть идут вслед за нами, тогда оставим их в покое. Наш путь прекрасен, и мы идём по нему, потому что он хорош для нас. А путь тех старцев ныне всеми отвержен, и кто их послушает? Никто!»

Всё это изрекла Всесвятая Владычица во всеуслышание. «Вот, Я предвозвестила тебе всё, что должно здесь произойти. Я опять приду к тебе, а ты подумай». Исходя из келии через сени на крыльцо, Владычица опять обратилась ко мне, мерзкому: «Будь с миром, Я ещё приду к тебе». И я упал к Её пречистым стопам. Однако Она уже отошла. Я долго стоял и смотрел вслед, но никого уже не видел».

Третье явление Божией Матери

«В один будничный день после литургии я пришёл в келию, помолился Богу, разделся, сел и по обычаю занялся Иисусовой молитвой. Как всегда, сидя на скамейке, начал молитву. Прошло немного времени — не больше часа, — как слышу за дверью передней келии голос: «Молитвами святых отец, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Голос был тонкий, чистый, ясный. Один раз сотворил молитву — молчу. Другой раз — молчу. Третий раз — молчу. Тогда дверь отворяется, и входит Святая Владычица Госпожа Богородица. Узрев это, я, окаянный, замертво повалился со скамейки на пол. Не знаю, долго ли это было со мною, но я стал ощущать жизнь, когда рука Владычицы была на моей скверной голове. Жизнь, как молния, пронзила всего меня.

Владычица изрекла: «Дух его в нём есть». Она повелела мне встать на ноги. Но как бы я сам посмел встать?! Сама Всесвятая изволила взять меня за левую руку и, поставив меня на ноги, говорит ко мне по-матерински ласково: «Видишь, пришла Я и со Мною святые. Смотри на них и ободрись, иноче, потому что мы пришли от Святого по послушанию, чтобы и ты совершал святое послушание. Не бойся того, о чём Я тебе говорю. Вот уже третий раз Я прихожу к тебе и ухожу за святое послушание, ибо очень люблю его и тебе желаю пребывать в нём. Так как великую радость, веселие и утешение приносит святое послушание истинно проходящему его».

В это посещение Святой Владычицы и моей Попечительницы пришли также: святой Иоанн Предтеча, божественные апостолы Пётр, Иаков, Иоанн, Павел, Лука, святитель Христов Николай, святой великомученик Георгий, святая великомученица Варвара, святая великомученица Екатерина, святая мученица Февронiя, первомученица Фёкла и преподобная мать Евфросиния, игуменья Полоцкая.

Тогда святой великий Креститель Господень Иоанн Предтеча, исполнившись божественной ревности, обратился ко мне, окаянному, и сказал: «Ты, наверное, читал или слышал обо мне, когда Владыка Создатель и Господь Вседержитель, как Агнец Божий, кротко и смиренно благоизволил прийти ко мне. Я сопротивлялся Ему, говоря: «Чего Ты требуешь от меня? Ты мой Бог, Владыка и Господь… Ты — огонь, а я — сено. Могу ли я прикоснуться к Тебе?» И что же я смог? Он повелел мне исполнить всякую правду. И я со страхом великим, за послушание, всё исполнил и совершил: возложил тварную руку мою на главу Творца и Владыки Господа Бога моего».

Я слушал, стоя уныло и молча. Потом обращается ко мне, скверному, святой ревнитель божественный, апостол Павел, и говорит: «Я знаю, что ты читал и слышал обо мне и моей ревности в иудействе, как я много гнал Церковь Божию и её святых, и с какой надменностью и гордостью шёл в Дамаск гнать и разрушать Церковь Божию, а также вязать, ввергать в темницу и мучить святых. И когда я так дышал злом и шёл тем путем, внезапно великий свет поразил меня, и ужас объял все мои кости. И вот из облака раздался кроткий, тихий, животворящий, исполненный любви и жизни голос: «Савл, Савл, что ты гонишь Меня?» И я, слыша голос, исполненный смирения, кротости, любви и жизни, впал в страх и ужас. Как Господь Бог не поразил меня? Тогда исчезли все мои гордость и надменность… Так ныне и ты научись покоряться милости, благости и любви Всесвятой Владычицы, пекущейся о благе всех верующих во имя Господа Бога Спаса всех Иисуса Христа».

И когда я, окаянный, слушал все эти слова Божии от Матери Господа и великих святых, умилились моё

сердце и дух мой, и я смирился пред Господом Богом и Всесвятой Владычицей и Матерью Господа Бога моего и ужаснулся своего упорства. Как огонь не сжёг меня окаянного?…

Потом опять Владычица говорит мне, окаянному: «Теперь узнай, что здесь может быть: первое, начальницы здесь будут имущие страстные ум и очи, ласкательные, любящие мир и плоть. Слух у них будет закрыт, очи сомкнуты — ясно видеть не смогут. В любви к Богу, ко хвале и славословию своего Владыки Господа будут холодны, невнимательны; в служении святого послушания тяжки, презрительны, мало пекущиеся о спасении братии и иных. С ними войдёт всё мирское и мирские женщины. О благоустройстве святой обители, о благообразии братии и благочинии, о праведной жизни у них будет небрежение. Вволю будет вина. Старцы и праведники, заботящиеся о выполнении сокровенного учения и пекущиеся о правом жительстве по Боге — старые, средние и юные — не будут терпимы, но будут укоряемы, а иные — и изгнаны развратителями, говорящими им: «Если хотите быть здесь, живите и делайте так, как мы живём и творим, а вашего мы не потерпим». И таковые будут под великим гнётом, в поношении и порицании. Ты же малодушен, всего этого и иного многого тогда понести не сможешь. Из-за этого Всеблагой Бог Своей Божественной благостью восхотел вывести тебя отсюда и дать тебе дело Его святого послушания, чтоб ты послужил Ему верно и совершил Его святое дело».

И я, окаянный, сказал Владычице: «Разумею великую и неисповедимую благость и милость Божию ко мне, недостойному. Знаю, что я скудоумен, бессилен и немощен и дарования никакого в себе совершенно не имею. Опыта никакого ни в чём я не стяжал и вижу себя невежественным и неспособным. Я не противлюсь и готов бы исполнить волю Божию, но вижу, каков я, и ужасаюсь».

Тогда говорит Владычица: «От тебя только одно нужно: покорность и благосклонное произволение чтобы принять святое послушание — этого только ищет и требует от тебя Господь».

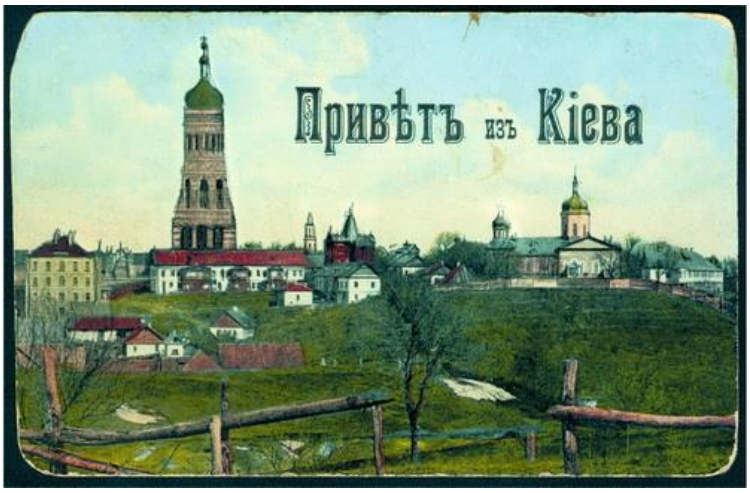
Услышав всё это, плача от умиления, я поклонился Владычице и сказал: «Пусть будет воля Господня со мной недостойным. Я во всём покорюсь и молю: Владычице Госпоже Богородице, Мати Умного Света Господа Бога моего, не оставь меня. Милостивая Покровительница, Руководительница и Наставница, всегда и во всём будь мне покровом, ибо на Тебя всё мое упование. Учи меня и храни, ибо я немощен и безумен…»

Тогда Всесвятая Богородица благоизволила многое мне сказать. Сердце и дух мои ожили во мне. Ум стал светел, как будто я вдруг переродился. Стало мне легко. Я почувствовал в себе свежесть и бодрость, как бы вновь на свет родился…

И говорит Владычица: «Мир тебе да будет всегда от Господа Бога Славы». И все перекрестились три раза и поклонились в пояс к образу Спасителя, стоявшему в углу келии. Потом Владычица Всесвятая Госпожа Богородица говорит мне: «Пребывай всегда в Боге, и Господь Бог будет с тобою, и мир Его всегда будет почивать в тебе, на тебе и на твоих во веки». Святые апостолы оба сказали ко мне: «Говори: Аминь». И я сказал: «Аминь». Потом Владычица благоизволила подать мне десницу, и я скверными своими устами поцеловал её, и Она говорит мне: «Проводи нас».

И выйдя из келии в сени, Она изволила стать на крыльцо, а вместе с Нею и остальные. У меня же внезапно появилась мысль спросить: «Владычице, где будет имя Господне и Твое славиться?» Она же, обернувшись ко мне, указала рукою Своею на юг: «Град Киев, и место то недалеко от святой Лавры, на холме над рекой Днепром. Ты увидишь над ним стоящий огненный столп, и затем опять место то будет показано тебе огнём. Не бойся!» И я пал и поклонился Владычице, а Она вместе со святыми стала невидима».

Приход в Киев



Итак, отец Иона решился подчиниться воле Божией и, к великой радости старшей братии Белобережского монастыря, пойти в Киев. Он оставил свою обитель и в 1847 году пришёл в Киев. Его

немедленно принял Киевский митрополит святитель Филарет (Амфитеатров), который с первого момента их знакомства полюбил отца Иону.

Святитель Филарет, как известно, был монахолюбцем и ревнителем духовной жизни. Он предложил отцу Ионе стать насельником Киево-Печерской Лавры.

Однако Лавра в то время была огромным и шумным монастырём со множеством монахов. Поэтому отец Иона, который любил покой, не захотел оставаться в Лавре, и митрополит Филарет предложил ему Михайловский монастырь. Однако и тот был центральной обителью, которая не могла удовлетворить духовные потребности отца Ионы.

В Никольском монастыре

Выбор отца Ионы остановился на обители святителя Николая. Он был записан в число братии 3 августа 1851 года.

Настоятели этого монастыря не жили в нём и практически не занимались духовными и материальными нуждами братии. Согласно установившимся тогда правилам, они занимали должность ректора Киевской семинарии, и это было главной их обязанностью. Часто они становились ректорами Киевской духовной академии и тогда назначались игуменами Братского монастыря. Следующим шагом в карьере был сан викарного епископа при Киевском митрополите. Их место в обители в честь святителя Николая заполнялось игуменами Выдубицкого монастыря. Таков был порядок того времени, или, с духовной точки зрения, беспорядок, в результате которого возникал разлад монашеской жизни: к примеру, монахи не имели общей трапезы и всё своё свободное время проводили вне монастыря, предаваясь пьянству и прочим непотребствам.

Однако и здесь отец Иона жил, как отшельник: ничего не видел и не замечал. Единственной его заботой было спасение собственной души.

Двойное чудо с диаконом Флавианом

Однажды игумен монастыря, отец Нектарий, благословил отца Иону принять себе в послушники одного новопостриженного монаха отца Флавиана. Тот вначале с ревностью подвизался под руководством отца Ионы и вскоре даже был рукоположен митрополитом Филаретом во диакона. Однако по прошествии времени он начал посещать Лавру и познакомился там с кем-то из числа старшей братии. Начал с ними пить и впал во множество грехов. Некоторые из его компании дошли даже до богохульства. Что ни пытался предпринять отец Иона, чтобы вразумить Флавиана и его компанию, — всё было безрезультатно.

Наконец, после последней попытки вразумить монахов, которые вновь не придали его словам никакого значения, он сказал им со строгостью, чтобы они приготовили гроб для Флавиана, потому что завтра он умрёт, если сейчас же не покается.

Однако в ответ получил только насмешки. На следующий день все друзья отца Флавиана в великом испуге пришли к отцу Ионе и сказали ему, что диакон тяжело заболел и что всё его лицо и тело почернели. Однако отец Иона отказался пойти к больному, пока все, в том и числе и Флавиан, не покаются в своих богохульствах. Друзья диакона вернулись к нему и передали слова старца. Тогда тот со слезами раскаялся. Придя к больному, отец Иона приказал ему прочитать Символ веры, а затем сказал, что Бог прощает его. Тотчас лицо и тело больного посветлели. До этого времени лежавший неподвижно и едва дышавший диакон встал и почувствовал себя хорошо. Его друзья очень обрадовались и решили не совершать над ним таинства Елеосвящения. Однако отец Иона сказал им, чтобы они совершили Елеосвящение и причастили его, потому что он в любом случае уйдёт из этой жизни сегодня: «Жить ему здесь будет уже не на пользу». И действительно, в тот же день отец Флавиан в мире отошёл ко Господу.

На Крымской войне

В 1853 году началась Крымская война, о которой преподобный Серафим Саровский предрёк: «Некогда на Россию восстанут три державы и много изнурят её. Но за Православие Господь помилует и сохранит её».

Отец Иона сильно сопереживал тем, кто пострадал в боях, и молился обо всех воинах. Однажды, когда он телом находился в своей келье, а умом — на полях сражений, с ним произошло одно поразительное чудо, о котором он сам и рассказал:

«Посещение произошло следующим образом. В Балаклаве, Севастополе и до самой Чёрной речки в Крыму шла тяжкая, убийственная, зверская и варварская война, в которой принимали участие турки, англичане, французы, сарацины и с ними многие другие. Австрия, искуплённая от разорения со стороны Венгрии христианской кровью российских воинов, тоже льстиво и коварно была в согласии с иными безбожными народами. Война была единственно за веру и благочестие, во имя Господа Бога Иисуса Христа и

Его священных заветов.

Я был тогда в Никольском монастыре и служил в числе братии. В свободное время я занимался пустынническим рукоделием — изготовлением деревянных ложек. Эти свои изделия — ложки — я неустанно передавал для ободрения и утешения покойного в Бозе и очень любимого мною Государя Императора Николая Павловича. Я любил его, как агнца Божия: кроткого, разумного, боголюбивого ревнителя благочестия, святого Православия и веры в Спасителя Господа Иисуса Христа. За эту самую любовь его к Господу я делал для него ложки и передавал их через его добрых боголюбивых сыновей — великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, а также через моего бывшего послушника Стефана графу Орлову или графу Толстому, которые были при Государе Николае Павловиче, когда он изволил бывать в Киеве.

Когда началась война в Крыму, он изволил приказать им всегда быть ласковыми ко мне, и я им передавал всё, что успевал сделать. Наград или каких-либо денег или чего-нибудь другого я совершенно не брал, а когда он изволил что передавать, то я назад отсылал и не принимал, а делал всё из любви к Богу и великому государю Николаю I. Так было несколько лет, до самой его блаженной кончины.

После поздней Божественной литургии, часов в двенадцать дня, я сидел в своей келии и делал ложки, со скорбью думая о страшной Крымской войне. Вдруг слышу, как кто-то за дверями моей келии творит молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Голос тонкий, женский, чистый и ясный. Слышу и молчу. Знаю, что ко мне никто никогда из женского пола не ходит. Слышу — творят молитву ещё раз — и молчу. Третий — тоже молчу. Тогда дверь сама отворяется, а у меня всегда было правило дверь держать на крючке.

Входят в келию три лица женского пола. Войдя в келию, они стали перед иконою Божией Матери «Троеручицей», перекрестились и положили три земных поклона образу Божией Матери. А я сижу, никакого внимания на них не обращаю и гневаюсь в сердце моём — зачем женщины посмели зайти ко мне — монаху, вовсе им не знакомому. Сижу, думаю и занимаюсь своим делом. Они же, помолившись Богу, обращаются ко мне и говорят: «Спасайся о Господе, отче». Я вижу их всех в простом одеянии, как старые простые женщины одеваются, с платочками на голове. Одна из них говорит: «Мы пришли к тебе, отче, чтобы ты пошёл с нами в путь и потрудился послужить крымским страдальцам — раненым воинам». Тогда я поднялся, стал перед ними и говорю: «Да можно ли мне идти так далеко? И бумаги я не имею».

Первая из них говорит: «Ты только имей любовь к Богу, а у Бога всё возможно — бумаг никаких не надо. Пойдём, послужим им и назад придём. И с собою ничего не бери — у нас всё есть. Возьми разве только два или три полотенца — будешь их язвы омывать, отирать и обвязывать. Всё остальное мы взяли». — «А долго ли мы там пробудем? А как братья увидят, что я с женским полом расхаживаю, то страшно соблазнятся и не потерпят этого». — «О нет, такого никогда не будет. Мы сегодня же будем здесь — сделаем дело святого послушания, послужим больным и воротимся назад». Старшая из них опять говорит: «Помолимся Господу Богу, да подаст нам силу и помощь послужить Ему в рабах Его, боголюбивых воинах, ратующих за святое имя Его, святую веру в Него и благочестие». И говорит мне: «Прочти молитву». И я прочитал молитву «Достойно есть». Все положили крестное знамение и земной поклон. «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне…» — до конца — и опять положили поклон; «Господи, помилуй» трижды, «Благослови», — поклон. — «Аминь». Первая говорит: «Господи, благослови наш путь». И все, положив крестное знамение, вышли из келии. Я запер келью на замок и пошёл за ними.

Мы вышли во двор и стали отходить от келии. Отойдя немного, я оглянулся, — а келии уже не видать. Взглянув вперёд, вижу, что мы стоим перед очень большим зданием, на стене которого висит доска с надписью: «Здесь больница раненых воинов, пострадавших за Христа, святую веру и отечество, Богом хранимую Россию». И первая говорит мне: «Слава Богу, мы пришли. Пойдём внутрь к этим святым страдальцам». Войдя внутрь, я увидел очень большую, светлую, просторную, длинную комнату вроде коридора. По обе стороны направо и налево в три ряда были палаты, а в них постелены чистые и мягкие постели. В первой палате лежали тяжелораненые: у кого руки нет, у кого ноги, у кого разорваны внутренности, а у кого оторвана нижняя челюсть, у кого-то нос и глаз вырваны, а у кого-то рассечена голова.

Прежде мы обошли и осмотрели все нижние палаты, а потом поднялись на второй этаж и там всех осмотрели. Потом, когда мы возвратились к первой палате, старшая говорит мне: «Смотри, как увидишь, что мы делаем, так и сам делай. Пришли мы сюда утешать и ободрять страдальцев». Перепоясавшись, она налила в большую чашку, в какой подают к обеду щи или борщ, воды, обмакнула в неё губку и начала очищать язвы и раны. Потом отёрла их мягким полотенцем, принесённым с собою. Затем взяла из кошёлки мазь и намазала ею и мылом лицо и голову болящего. Умыла, вытерла своим полотенцем, причесала волосы — и так быстро, скоро оправила болящего. Затем перешла к другому. Так и далее делает. У кого рука или нога изломана — она выправляет. У кого внутренности разорваны — все внутренности страждущего она внутрь живота вбирает, обмыв их чистою водою. Всю кровь и гной смывает и принесённым маслом смазывает. Вправив все внутренности, своими руками всё заглаживает и, отёрши живот и все члены тела полотенцем, расчесав

каждому волосы, оградив каждого крестным знамением, даёт ему пить чистой воды. Потом скажет каждому страдальцу несколько утешительных слов, ободрит, утешит и отходит к другому больному и с ним то же самое делает.

Когда первая изволила уже третьего оправить, говорит, обратившись ко мне: «Видел, как мы делаем? Стань здесь около меня — между мною и великомученицею Варварою. Смотри внимательно, как мы делаем, и так же твори. Ничем не пренебрегай и всех страдальцев в их тяжких болезнях утешай. Ничего не гнушайся ради любви к Богу и ближнему».

И приступил я к больному, открыл покров его, снял с него рубашку и увидел, что вся грудь у него разорвана, так что видны внутренности. Живот и все нижние части разорваны. Увидев это, я вострепетал, оцепенел, как мёртвый, ибо ужас объял меня…

Святая великомученица Варвара, как назвала её первая, приступила ко мне, держит меня за левую руку и говорит к первой: «Всемилостивая Владычица, Мати Божия, видишь, как изнемог его дух. Сотвори, Владычице, милость Твою с ним, да обновится дух в нём, да послужит и поработает он, Владычице, Господу Богу, Спасу всех, Сладчайшему Жениху моему Иисусу Христу. Всемилостивая и скорая Помощнице, Заступнице и Покровительнице всех, Утешительнице, Мати Умного Света, Владычице Богородице, молю, укрепи его и умудри, пусть поймут все, что Ты — всем похвала и слава…»

Тогда я, окаянный, уразумел, кто они: Первая, вторая, и третья, — и вострепетали сердце моё и душа. И я не мог понять, где я, что и при ком. Тогда Всемилостивая Владычица говорит к третьей: «Святая великомученица Александра, приступи сюда, посмотри на малодушие этого воина инока, вышедшего на брань против врагов и желающего положить жизнь и душу свою за имя Господа Бога Иисуса Христа, святую веру, Церковь Божию и ближнего. Он пришёл с нами послужить страдальцам Божиим и, увидев их язвы, ужаснулся, так что изнемог его дух. Смотри, каков он». Святая великомученица Александра говорит ко Владычице: «Всякий человек, если не причастен благодати Господа Бога и Спаса всех Иисуса Христа и Твоей, Всесвятая Мати, — нищ, немощен, труслив и расслаблен. И ныне, Всесвятая Владычице Богородице, благослови его, укрепи и подай ему Твою неотъемлемую и неоскудевающую благодать…»

И Владычица приступила к моему окаянству, осенила меня крестным знамением и говорит: «Отныне в тебе и на тебе и во всех твоих делах и начинаниях во веки будет Моя благодать, да бодрственно, верно, благочестно, в мире и любви ко Господу и ближнему послужишь страждущим людям, и Я буду с тобою во всех делах твоих…» От этого дух мой ожил, и я, приступив к делу, делал его уже без страха и оцепенения, но благоговейно и с радостью в душе и сердце. Я был справа от Владычицы Госпожи Богородицы и слева от святой великомученицы Варвары.

Дело теперь пошло быстро. Того первого страдальца, имя которого было Василий, Владычица спросила: «Как твоё имя?» Он сказал: «Василий». Тогда Она говорит мне: «Сохрани его имя в сердце и памяти. Будет время — он придёт к тебе туда, где ты будешь. И когда он придёт, припаси для него благословение твоё во имя Господа, и будет ему».

Так и было. Уже когда я был здесь, в обители Святой Троицы, он приехал сюда, говел, исповедался и причастился Божественных Таин Святого Тела и Крови Господа Иисуса Христа. Он признал меня, рассказал всё, как было тогда, как он был жестоко и безнадёжно ранен… Он видел сон, где ему было сказано идти в Киев и разыскать меня. Во сне ему было указано место, и по этому указанию он нашёл нашу обитель и меня. Однако я ему не сознался и всё от него скрыл — единственно чтобы среди людей не пошла молва. Он был здесь несколько дней, и я с миром отправил его восвояси.

Итак, вскоре все дела в этой палате были окончены: мы успокоили всех больных и пошли в другую большую палату, где тоже совершили свой долг послушания. Потом пошли в меньшую палату, где лежало много больных, и там послужили. Затем пошли туда, где были уже выздоравливающие. Там Владычица благословила всех, ободрила в вере, послушании Святой Церкви Божией и ратном подвиге ради спасения ближнего. После этого Всесвятая Владычица обошла все полки, всё христолюбивое воинство, всех их благословила и утешила. Также Владычица благоизволила побывать в Севастополе, Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре, около Чёрной речки, где наши воины жили в землянках. Побывав везде, Владычица возвратилась обратно в Киев.

Все трое они вошли в мою келью, а святая великомученица Варвара и говорит: «Вторая стража, час времени». Потом, помолившись Господу Богу, они сделали по три земных поклона, и Владычица говорит: «Смотри на всё это, помни, не забывай, и когда придёт тому время, Дух Святой воздвигнет в душах и сердцах многих людей всякого пола, возраста, чина, звания и верования дух. Ни для кого ни в чём не отказывайся от своего служения, ничем не гнушайся и не пренебрегай. Ибо Глава всех есть Господь Иисус Христос. Все же — части Его. Верно проходи своё служение Богу в любви к Богу и ближнему. Будь внимателен, чтоб никого не отвергнуть. Будь сострадателен ко всем и послужи во благо и утешение страждущего и унывающего человека, как и ты сам много на себе испытал…» Потом Она трижды оградила меня крестным знамением и говорит: «Да будет в тебе мир Божий и да послужишь Ему верно и праведно».

Тогда я увидел Владычицу и святых с Нею не в простых одеждах, но в одеянии красоты и света, которое невозможно ни описать человеческим языком, ни придумать, ни поведать.

Я испросил молитв и материнской милости Владычицы ко мне и всем делам моим. Также и этих великих святых — великомученицу Варвару и великомученицу Александру — просил молиться обо мне ко Господу и Святой Владычице, да милостивы будут ко мне грешному. «Знаем, знаем твои немощи, но и ты утренюй ко Господу Богу и ко всех Владычице Госпоже Богородице, ибо Она есть Мати всех, кто к Ней прибегает. Подаёт им покров, благодать и утешение. А ты наше житие и страдания за Господа Иисуса, наносившиеся нам от диавола и слуг его, читал? Видишь, как Господь Сил прославился в наших немощных женских телах и потоках нашей крови. Истинно, дивен Бог во святых Своих. Аминь». И опять Владычица, преподав мир, благословила и изволила выйти из моей келии, а вместе с Ней и святые. И говорит Владычица: «Видишь, мученице Варваро, в церкви Божией совершается утреннее славословие».

И я возвратился в свою келию».

Это чудесное событие, помимо всего прочего, имело символическое значение. Отец Иона должен был стать основателем новой обители, в которой могли бы находить себе излечение множество страдающих от болезни греха. Должен он был принимать каждого, независимо от того, насколько тот был изранен грехами. В те годы во многих монастырях был обычай принимать в монахи главным образом тех, которые могли внести в обитель какие-то средства. То есть настоятели часто смотрели больше на то, какую экономическую пользу обители может принести человек, который в неё поступает, чем на то, какую духовную пользу может принести ему монастырь.

В описанном выше посещении Божией Матери с двумя святыми жёнами отец Иона получил повеление принимать к себе всех, кто хочет исцелиться от духовных болезней. И действительно, впоследствии старец ни разу не отверг никого, кто искренне искал своего спасения.

Итак, Господь и Божия Матерь различными способами воспитывали отца Иону, чтобы он стяжал все необходимые для игумена монастыря качества.

В Братском и Греческом монастырях

После обители святого Николая отец Иона на непродолжительный период поселился в Братском монастыре. Здесь тоже не было глубокой духовной жизни, поскольку почти все монахи были связаны с Киевской духовной академией и занимались главным образом наукой.

Вскоре отец Иона оставил этот монастырь и шестого сентября 1857 года поселился в обители святой Екатерины, которая именовалась Греческой. Здесь 29 июня 1858 года, в праздник святых апостолов Петра и Павла, он был рукоположен в священнический сан.

В то время Греческий монастырь находился в упадке. В нём жили только четыре иеромонаха, два иеродиакона и несколько послушников. Монастырь не имел доходов и постоянно нуждался. Однако когда сюда пришёл отец Иона, положение изменилось: множество людей начало посещать его. Это в конце концов стало для отца Ионы причиной многих скорбей, как он сам то описывает:

«Я жил в Греческом монастыре. В то время он не имел никаких доходов. Богомольцы совершенно не посещали его, и он был, как мертвая буква. Но Господь по Своему неисповедимому милосердию сотворил чудо. Все вдруг в нем ожило. Богомольцы потекли в него со всех сторон и из разных мест. Деньги и все прочее просто лились. У братии появилось много трудов: постоянно молебны, панихиды, — а служителей было мало: четыре иеромонаха и два иеродиакона, а прочие все были послушники. Труда много, а содержание плохое, скудное: хлеб и борщ.

Братия начала просить отца архимандрита Кирилла улучшить пищу хотя бы из тех общих сумм, которые назывались братскими. Отец архимандрит не уступал их просьбе, а за ропот и недовольство некоторых иеромонахов выслал из монастыря. Также он начал негодовать на меня, что я не соглашаюсь на то, чтобы все доходы переходили к нему… Видя такую его алчность, я решил уйти оттуда и перевестись в Выдубицкий монастырь».

Начало новой обители

Ещё когда отец Иона жил в монастыре святой Екатерины, было положено начало новой обители. Сам его основатель рассказывает, как это происходило:

«Первый житель, поселившийся на месте, где теперь стоит святая обитель, был отец Иларион. Он пришёл ко мне после Крымской кампании, получив от своего военного начальства отставку. По его просьбе я принял его к себе и оставил жить в послушании и работать в приобретённой у Марии Романовны и соседа Молявки усадьбе. Первая была приобретена за 130 рублей, а вторая — за 115. Строений здесь никаких не

было: одна земля и заросли. Отец Иларион сделал себе куренёк из хвороста, нарванного здесь же, из дикого бурьяна сделал крышу и жил здесь целое лето. Потом Бог благословил, и появилась маленькая келийка на чистом, не заросшем месте. Купив барочного леса, я поставил в углах столбы из толстых брёвен, а затем стены из досок длиною и шириною в семь аршинов.

В этой келии мы жили вдвоём. Здесь был сад, в котором росли разные фруктовые деревья: груши, яблоки, сливы, вишни. Место это было отгорожено от Выдубицкого монастыря забором.

Когда отец Иларион жил здесь один, он увидел однажды выходившее из земли пламя, охватившее всю местность, где ныне стоит малая церковь. Видел огромный огненный столб, доходивший до небес. Столб виден был даже на горе, где ныне собор. Много ему было страхов от диавола. Диавол гнал его отсюда. К отцу Илариону неоднократно приходили воры и грозились убить его, но Бог его во всём хранил и укреплял. Диавол поносил его и говорил — зачем он здесь живёт, лучше жить в монастыре, чем здесь. Диавол рыдал всю осень, зиму и весну, ходя по переулку и кляня отца Илариона, Николая и Романа, которые жили втроём, а также приговаривал: «Проклятые черноголовые, длинноволосые монахи мешают мне, гонят меня и покою мне не дают, из моего древнего и давнего наследия гонят меня». Братия всё это слышали и терпели.

Спустя два года, как они здесь поселились, отец Иларион видел большой разлив воды по всему саду: вода стояла стеною в полтора аршина. Это видение было ночью. Отец Иларион хотел выйти ночью, отворил наружную дверь и увидел большой разлив. Посмотрел — выйти с порога нельзя. Он страшно испугался, начал черпать воду руками и умывать руки и лицо…

Отец Иларион вытерпел там много горя, скорбей, болезней, наготы и голода. Никто не хотел верить, что на этом месте будет монастырь. Некоторые из братии Выдубицкого монастыря насмехались над нашей надеждой, говоря, что монастырь здесь будет, когда у них на ладонях вырастут волосы. Когда отец Иларион впадал в скорбь и терял веру в возможность построить монастырь, то повторял слова этих братий: «Когда у меня на ладони вырастут волосы, тогда здесь будет монастырь».

До поступления в Выдубицкий монастырь мы с отцом Иларионом жили в саду: вместе работали, очищали участок от бурьяна, сажали деревья, поливали их, посадили испанских вишен. Так я прожил в саду целое лето».

Затем отец Иона переселился в Выдубицкий монастырь, находившийся по соседству с участком, который был указан Богом для строительства обители. Живя здесь, он продолжал навещать место, на котором предстояло быть построенным новому монастырю:

«Когда мне было очень тяжело от ненависти и нападок братии, я уходил в сад и, глядя с грустью на это место, думал, как может здесь быть святая обитель. Иногда высказывал эти мысли брату Иоанну, и он тоже не верил в возможность того, что здесь будет монастырь. Я погружался в мрачные мысли: как здесь быть великому делу, когда у меня ничего нет, и ни к чему я не годен; а тут ещё терплю постоянные нападки от врага и разные неприятности.

Бывало, приду я после обедни в сад, поставлю самовар, и пьём с братом Иоанном чай. Отворим окошко, приготовим на столе пищу для соловьёв: муравьиные яйца, сыр, который приносил для них брат Иоанн. Приготовив всё, зовём их: солка, солка! А они прямо в окно летят и здесь же запевают. Они у нас в келии были, как цыплята: смелые, ничего не боялись. И так было все года летом.

Потом я принял отставного солдата Гавриила. Он жил с Иоанном в одной келии. Жили они хорошо, берегли себя, внимали себе, ни с кем знакомства не имели. Сначала я тоже жил с ними в саду. Не помню, в котором году к нам в сад начала прилетать необыкновенная птичка и садиться на груше, на самой её верхушке, неподалёку от нашей келии. Величиною она была с голубя, только перья у неё были разноцветные и необычайно красивые — блестящие. Она садилась, оборотясь к нам носиком, и пела очень приятно, усладительно. Сначала брат Иоанн ничего не говорил — ему было приятно её пение, — а потом начал гнать её и пугать. Однако она нисколько не поддавалась испугу, сидела на одном месте и непрестанно пела. Цвет её перьев часто менялся: иногда грудь была белая, синеватая, жёлтая, крылья зелёные, хвост белый, а иногда голова была красная, грудь жёлтая, крылья белые, спина зелёная, хвост голубой. К нам в сад никто не ходил, и мы никого никогда здесь не видели и об этой птице никому не говорили, так как это было видимое чудо Божие. Невозможно было постоянно сидеть и петь на одном и том же месте и не бояться ничего, не поддаваться ни малейшему страху. Видя дерзость брата Иоанна, я укорял его, но он мне отвечал, что она ему спать не даёт. Она пела ровно сорок дней и сорок ночей. В последний раз она была вся совершенно белая. Она сидела на дереве и просто сияла. При восходе солнца она слетела с дерева, несколько раз облетела всё наше место кругом, остановилась в воздухе, как делают копчики, когда увидят добычу, три раза издала какие-то звуки и улетела. Больше мы её никогда не видели. Тогда только брат Иоанн убедился, что это была необыкновенная птица, и очень сожалел, что пугал её».

В Выдубицком монастыре

После поселения отца Ионы в Выдубицком монастыре здесь повторилась та же история, что и в Греческом монастыре: посетителей сюда приходило очень мало, и обитель пребывала в упадке. Однажды отец Иона сказал братьям как бы в шутку, чтобы они на последние деньги купили мешков, потому что будут собирать дождь из денег, который выпадет весной. Те же только посмеялись над ним. Однако весной сбылось сказанное отцом Ионой: сюда начало стекаться множество паломников со всей России. Причиной этого стечения народа вновь стала личность отца Ионы — люди начали понимать, что это был за человек, и стали выстраиваться в длительные очереди, чтобы исповедаться у него или получить его благословение. У монастыря, однако, не было возможности принимать такое большое количество посетителей, и те оставались без крыши и еды. Это очень огорчало отца Иону. Вскоре Господь послал одну богатую жертвовательницу — баронессу А. П. Бод, которая сняла для паломников дома, в которых им также предлагалась и пища.

В это время отец Иона был настолько занят посетителями, что не мог уделять внимания братии монастыря. Каждый день после литургии он приходил в свою келию и принимал паломников. Народ у него был и днём, и ночью. Это стало причиной гнева против него со стороны братии монастыря. Сам старец рассказывает о следующем печальном событии:

«Когда денег у братий стало много, а свободы нет, то они начали кричать: «Это наказание Божие постигло наш монастырь. Диавол подкинул нам этого разбойника, мучителя, колдуна; он околдовал весь свет и всех нас замучил своим народом». Прежде у них было так: как окончится богослужение, так все уходят из монастыря: тот до кума, тот до кумы, а тот к духовным детям или духовной дочери. Время проводили весело, спокойно и мирно, а теперь и пойти никуда нельзя, ни к себе принять нельзя. Угощать некогда, и к тому же нужно всегда быть трезвым, так как постоянно совершаются то молебны, то панихиды, то нужно исповедовать. От того происходит томление, скука, досада и раздражение. Я водил к ним исповедников больше, чем оставлял себе. Но они всё были недовольны, всё скорбели.

Я сам целыми днями был занят, не имел времени пойти в купленное место. За всё лето был там раза три или четыре.

Раз утром, до обедни, я собрал в большой церкви богомольцев для слушания молитвы перед исповедью. Прочитав молитву, я попросил пономаря и записчика отвести их к духовникам, разделив группами. Пономари собрали в трапезной церкви ещё богомольцев слушать молитву перед исповедью и сказали мне, чтобы я шёл туда прочитать им эту молитву. Там были иеромонахи отец Гервасий, отец Григорий и двое других. Только я вошёл в церковь и направился к алтарю взять святую епитрахиль и требник и начал молитву, слышу — отец Гервасий говорит: «Не слушайте его, господа. Вы все, кажется, люди умные, взрослые, имеете свои понятия — и прельстились от этого льстеца. Это не человек, а диавол во плоти. Это разбойник. Он всех нас умучил, а вы, добрые люди, слушаете этого сумасшедшего человека, безумного льстеца. Вот смотрите, как мы его уважаем». И отец Гервасий схватил меня за бороду, за волосы и за глотку, а остальные отцы начали бить меня палками, приговаривая: «Вот как величают вашего святошу».

В церкви сделался ужас. Люди, видя такое страшное смятение, бросились на них и отняли меня, а их, буянов, вытолкали из церкви и никого не пустили. Люди хотели идти к митрополиту, но послушали меня, и всё стихло. Я прочитал им исповедную молитву и начал исповедовать. Я просил их о скаредном поступке монахов никому не говорить, так как всё это козни диавола. Я ничего не сказал отцу архимандриту Вениамину — так всё и прошло.

Спустя некоторое время брату Иоанну с другим послушником запретили ходить ко мне под угрозой немедленного удаления из обители. Отец архимандрит ничего этого не знал, и всё это исходило от отца Гервасия и Макария казначея. Кто-то из ненавидевших меня запер меня в моей келии висячим замком. Я этого не знал. Проходит день, другой, третий — я удивляюсь: что это такое, что ко мне никто не заходит. Хлеб у меня в келии был, соль и вода тоже. Утром выпью столовую ложку крещенской воды, омочу кусочек хлеба в соль, покушаю, и мне довольно. Просидел я под замком в келии всю неделю, и было мне покойно и весело. Около своей келии я никого не видел, потому что её окна выходили на задний двор.

Спустя десять дней слышу около двери келии говор, потом стук в дверь. А она у меня была заперта на внутренний замок и на неё был наложен крючок. Слышу голос отца архимандрита: «Он, верно, умер. Давно его не видно? Кто же его запер? Вот чудо — это просто убийство. Скажи, пожалуйста, что делается в монастыре, и я ничего не знаю! Позвать кузнеца и отбить дверь!» Я стою, молчу и жду, что будет дальше. Пришёл кузнец, отбил замок и говорит, что дверь ещё изнутри заперта. Отец архимандрит говорит: «Нужно окно вынуть и влезть». А потом говорит: «Погоди, попробуем: может, он жив. Надо стучать в дверь. Когда он не отзовётся, тогда уже и окно вынем». Слыша их разговор, я отошёл дальше вглубь келии. Они начали стучать в дверь, говоря: «Отец Иона, ты жив? Если жив, то отвори нам». Я молчу, жду, что будет. Он повторил другой раз и третий. Тогда я отозвался: «Кто там и что вам нужно?» Отец архимандрит, услышав мой голос, говорит: «Ну, слава Богу, жив». Я отворил дверь. Отец архимандрит говорит: «Что с тобою?» Я

улыбнулся и говорю: «Я ничего не знаю». — «Здоров ли ты?» — «Как видите, слава Богу». И они все от меня отошли.

Отец архимандрит говорит: «Я ничего не знал, вот только вижу: на дворе народу много, а в церковь никто не идёт; походят, походят во дворе и идут из монастыря. Я, видя всё это, удивлялся, но не знал, почему так происходит. Потом сторож — старик Николай — подходит ко мне и говорит: монахи заперли отца Иону наружным замком в келии, и он уже десять дней под замком сидит. Наверное, умер, сердечушко. Келейникам запретили к нему ходить под угрозой немедленного изгнания из монастыря. Его келейнику Иоанну тоже запретили даже в монастырь заходить». После этого события отец архимандрит стал внимательнее за всеми следить. Призвал отец архимандрит моих келейников Иоанна и Гавриила и велел им чаще ходить ко мне и даже ночевать у меня. Меня перевели в другую келию, окнами на монастырь, но негодование отцов на меня не прекратилось».

Посещение Божьей Матерью 1 марта 1861 года

Среди всех этих скорбей и искушений Бог часто утешал отца Иону чудесными небесными посещениями, как он вновь сам рассказывает:

«Я жил в Выдубицком монастыре. Раз ночью под первое марта мне не спалось. Помолившись Богу, я лёг. При мне никого не было. Братья Иоанн и Гавриил жили в саду. Сколько я ни старался — заснуть не мог. Я то вставал и читал, то выходил во двор. Было очень холодно. Я встал, оделся, вышел на крыльцо и вдруг вижу: то место, где был наш сад, осиялось. Сверху разлился страшный пламень. Я сильно испугался: подумал, что это наши горят. Скорее вошёл в келию, оделся, обулся, одел тёплый подрясник, перекрестился, взял палку и пошёл на гору.

На горе в монастырской ограде была калитка. Она никогда не запиралась, и я в неё прошёл. Вхожу на гору с большим трудом, едва-едва могу идти от испуга и охватившего меня волнения. Ноги мои от страха ползут назад. Я несколько раз падал, у меня перехватывало дух. Едва-едва добрался до ограды нашего сада от соседки Параскевы Сидорихи. Став возле перегородки, я взглянул в ту сторону, где была наша келия. Вижу: келия цела, не сгорела. Окна закрыты ставнями — все спят. Однако пламень охватывает всю келию с крышей и кружится, поднимается вверх. «Сгорят они, бедные», — подумал я и, отдохнув, перелез через забор и вошёл в сад.

Подошёл ближе и вижу: пламень страшно бушует, охватывает всю келию, крышу. Крыша трещит, страшная буря ревёт, а келия стоит невредима. Подошёл к самой келии, хотел постучать в ставень, разбудить их, но почему-то передумал. Пламя же, играя со страшною силою, охватило всю келию и крышу, но келия была цела. Стоял я, смотрел и думал: как всё это могло загореться и что за причина пожара? Взглянул направо — вижу, стоят монахи. Смотрю на них и думаю, зачем они сюда пришли: видно, идут из святой Лавры в Голосеево и Китаево; думали пройти здесь ближе, а тут загорожено. Смотрю — стоит и Матерь Божия с жезлом. Я от страха упал на землю и лежал без чувств, пока рука Владычицы не коснулась моей головы.

Пречистая изрекла: «Дух его в нём есть». Тогда только жизнь возвратилась ко мне, и Владычица говорит: «Встань на ноги. Стой прямо и смотри. Вот мы пришли сюда навестить это место, Богом Сыном Моим издревле предызбранное, и тебя увидеть. Смотри, кто пришёл со Мною. Ты всё малодушествуешь и сомневаешься, как это здесь может быть?»

И я, окаянный, дерзнул стать на ноги. Всесвятая Владычица стояла лицом к востоку. Справа и по левую сторону от Неё стояло множество святых. Среди них были божественные апостолы Пётр, Иаков, Иоанн, Павел и другие святые апостолы; святой Иоанн Креститель, святой пророк Давид, Иессей, Иеремия и другие с ними; святой Александр Невский, святой равноапостольный царь Константин Великий, царица Елена, святой князь Владимир, преподобный Пётр Афонский, преподобные отцы Антоний и Феодосий Печерские, со всем собором Печерских преподобных, а также Феодор Студит, Ефрем Сирин, авва Варсонуфий, Пимен Великий, Пахомий Великий, Паисий Великий, Сысой Великий, авва Досифей, царевич Индийский Иоасаф, Онуфрий Великий, Павел Фивейский, Макарий Великий, Антоний Великий, Феодосий Великий, преподобный Сергий Радонежский, Нил Сорский и другие святые мужи и жёны. Все стояли в великом благоговении, и от Святой Владычицы Госпожи Богородицы исходил великий и неисповедимый свет.

Святая Владычица благоизволила говорить об этом месте и обо всех истинно возлюбивших Господа Бога, Ему Единому предавшихся в сожители и пекущихся о сопребывании с Ним: «Иноки многие будут жить здесь, и изольёт Господь Бог и Сын Мой благодать на место это и на живущих здесь. И Моя благодать пребудет с ними во веки. Неотступно буду посещать это место, и многие здесь спасутся. Я же буду Помощница им всегда и во всём. Защитница и Помощница против восстающих, борющих и обижающих их! Все от Меня получат покой и утешение во всём. Я и Сын Мой очень любим иноков, радуемся и веселимся иноческим житием».

Всесвятая Владычица изрекла много-много чадолюбивых слов обо всех верных Сыну Её и говорит мне: «Место это — место отрады и утешения благоскорбящих, пристанище обуреваемых, покой, радование и веселие вечное». Потом Святая Владычица обратилась к святым отцам Афонским Петру и Афанасию и говорит: «Вы, святые и богоносные отцы, вместе со Мною потрудившиеся любви ради к Господу Богу и ко Мне в устроении святой обители. Вы построили пчельник, поставили хорошие ульи, ввели рой пчёл и всё хорошо устроили. Выбрали для разведения пчёл добрых и мудрых распорядителей, именуемых матками. От хорошего распоряжения всё шло хорошо. И вот Я захотела увидеть дела их и посетила эти пчельники. Вижу, обители и ульи стоят, а пчёл, маток и самих строителей нет и нет — все улетели. Где же эти пчёлы, их начальники и наставники?

Они вышли из пределов своих, ввергли себя в пространное море, устремились в волны и мятежи ветреных вихрей и бурь, погрязли в волнах моря, и ветры разметали их. Прождав их долгое время, все пчёлы в ульях покинули их, и ульи стоят пустые, и нет работающих в них. Я видела: их осталось очень мало. Они устроили себе гнёзда в расселинах камней и живут там. И Господь Бог промышляет и печётся о них. Мой Бог и Сын и Я посещаем некоторых из них, так что они имеют Бога Помощника, Питателя и Покровителя себе. Остальные же притупили ум свой видеть Господа и Его Единого в себе иметь, обратились в страны далёкие, устремились на север, восток, юг и запад… Эти воины — вне предела Святой Горы и места пребывания своего, они извергли себя вон. Богоносные, боголюбивые труженики, святые отцы Петре и Афанасие, вы сами знаете, как хорошо всё устроили. Их же обольстили ложное мечтание и лживое помышление: честолюбие, самолюбие, сластолюбие, кичение, самообольщение. Они подпали и поработились постыдным страстям, пленившим их…»

И долго говорила Всесвятая Владычица со святыми отцами Петром и Афанасием Афонскими. Ещё я позабыл: предсказала Владычица два знамения, какие были даны жителям Святой Горы ко исправлению их и ко обращению их духа, ума и сердца ко Господу Богу… И многое говорила Владычица во свидетельство перед всеми святыми.

Уже настало утро, солнце взошло и было высоко, но свет от солнца был как от самых малых звёздочек. Свет же Всесвятой Владычицы был неисповедим. Все святые предстояли перед Ней в великом благоговении. Она изволила ещё повторить о месте сем, где Всеблагой Господь восхотел устроить во имя всесвятое Свое великую обитель и поселить в ней иноков, восхваляющих Господа Бога своего. Многие из них спасутся дивным спасением и будут служить во утешение людям настоящих времён. И Всесвятая Владычица пошла от этого места вниз, и все деревья преклонили свои вершины, воздавая благоговейно честь Всесвятой Владычице. И велела мне Владычица идти Ей вслед.

Я, подойдя к келии, где спали Иван и Гавриил, хотел постучать им в ставень и только это подумал, Владычица говорит: «Оставь их, не тревожь, пусть себе спокойно спят». И я уже не посмел стучать. Она отошла немного, стала и начала говорить, укрепляя моё малодушие, которое часто овладевало мною, объясняя мне по порядку все дела, которые ни описать, ни пересказать невозможно. Дойдя до откоса горы, Владычица стала и говорит: «Береги себя и не падай духом. Не позволяй смущению входить в душу. Смотри, как кочерга повинуется своему обладателю: всё подходящее к её устройству делает и всё гребет: холодный пепел, холодные и горячие угли, золото и серебро, хорошее и плохое зерно, — всё, что нужно сгрести или перегрести. Она всё терпит и делает молча — если даже её влагают в огонь или горящее пламя или выгребают ею горящие угли. Она этим не гордится и не превозносится, но молча терпит, повинуется воле своего владельца и господина, потому что сделана для всех этих дел. Пойми, всё это относится к тебе. Думай, что ты лопата, грабли, кочерга, выгребающая из адского огня геенны души, предохраняя их от грехов и вводя в горнюю вечную радость, в славу Небесного Царствия, в покой и веселие в бесконечные века». Иоанн Богослов опять говорит мне, скаредному истукану: «Говори: Аминь», — и я сказал: «Аминь». Потом, помолчав, Владычица говорит: «Предупреждаю тебя: многие и многие придут и приползут разного рода и племени, целы и полуцелы, уязвлённые, отягчённые сном, дремлющие, расслабленные, обременённые и удручённые тяжестью, случившеюся от них самих и от древнего врага. Всех их прими и послужи им, никем не пренебрегая, ибо все они — Божии. И Я не престану посещать это место, живущих в нём и ползущих к нему. Господь Бог и Сын Мой и Я всегда послужим ко утешению и спасению всех их». И опять святой Иоанн Креститель говорит: «Говори: Аминь». И я, безумный невежда, сказал: «Аминь». И говорит Владычица: «Мир и благодать месту этому, тебе и всем здесь живущим. Иди в мире и благодати к себе». И я поклонился до земли. Владычица отступила и стала невидима. Вместе с Нею отошли все остальные, и я остался один.

В каком состоянии я тогда находился, человеческий язык высказать не может. Возвратясь на то место, где Своими пречистыми всесвятыми стопами благоизволила стоять Владычица, я заметил на снегу следы Её ног. Тогда я нагреб на том месте кучу снега и обставил его поленьями. Потом уже разбудил спящих. Было одиннадцать часов дня, и за всё это время — с двенадцати часов ночи до одиннадцати дня — никто из них не вышел на двор. Они отворили ставни, и я ничего не рассказал брату Иоанну о происшедшем, но показал только место, обсыпанное снегом и обставленное поленами, и попросил охранять его и держать в чистоте.

Мы поставили самовар, и, напившись чаю, я пошёл в монастырь. И тайны этой никто не знал. Было это 1-го марта 1861 года [1].

Посещение Божьей Матерью 9 марта 1862 года

После этого происшествия по назначению отца архимандрита Вениамина я опять занялся своим делом в Выдубицком монастыре. Я старался позабыть о происшедшем и быть спокойным.

Девятого марта мне нужно было сходить за чем-то в сад и что-то сказать отцу Иоанну и брату Гавриилу.

Я встал, умылся и пошел на гору через калитку, которая всегда была открыта. Поднявшись вверх, я увидел сильный пожар. Я хотел подойти поближе, но страх так овладел мною, что я остался на месте и не мог двинуться, думая, что они там сгорят. Мне было очень тяжело, и слезы лились из моих глаз. Снег был глубокий, и я не мог идти. Я так ослабел от страха и горя, что несколько раз падал. Пока дошел до перегородки, прошло около часа. Подойдя к перегородке, я перелез через нее и направился к келии.

Вижу, деревья и вся келия охвачены пламенем. Буря свирепела, выла, раздувала пламень, который со страшной силой подымался и охватывал крышу, стены и всю келию. Я собрался с силами и подбежал к келии. Я хотел постучать в ставни и разбудить спящих, но грозное пламя охватило меня со всех сторон, и от страха я упал. Мне было тяжело оттого, что я не имел сил помочь несчастным. Поднявшись на ноги, я вновь приблизился к келии, и только хотел постучать, как вдруг сильное пламя охватило и меня, и келию, и крышу; крыша затрещала, а меня ветром отбросило в сторону. Боже мой! Какой я грешник — и сам погибаю, и эти несчастные жертвы тоже должны погибнуть из-за меня. Так я подумал и начал молиться: «Всесвятая Владычица, не попусти из-за меня погибнуть сим невинным агнцам — пусть уж я один погибну, а они и так много терпят от людей».

Буря же и пламень не уменьшались. Но я заметил, что пламя, охватившее всё: и меня, и деревья, и келию, — не обжигало ни меня, ни моей головы, ни шапки, ни одежды; также и крыша, хотя и трещала, была освещена и охвачена пламенем, оставалась невредимой; также и деревья не сгорали и не падали, но стояли на месте. Господи, какое это чудо необыкновенное! Это, верно, у соседа Солоного загорелся его дом и сарай — все было сухое, а потому внезапно и загорелось. От того пожарища пламя перенеслось и сюда. Однако как бы и они, бедняки, не пострадали и не погорели, так как никого не было слышно.

Между тем буря стихла, и пожар прекратился. Я пошел посмотреть к соседям. Иду и думаю, что, наверное, они с товарищами-рыболовами выпили и погорели. Все иду и смотрю в правую сторону. Вдруг нечаянно споткнулся о пенек и упал. По своему крайнему невежеству я ничего не мог понять: все охватывает страшное пламя, которое ничего не сжигает. Ничего не разберу и не пойму. У меня, как у безумного, в голове пустота: явственно совершается дивное, а я не могу ни понять, ни разобрать чудного дела и всего того, что происходит.

Подняв голову, я посмотрел вперед, и — о, окаянный я человек, как земля не поглотила меня нечувственного в моем окаянстве — увидел стоящую Всемилостивую Владычицу. Ужас поразил меня скверного, мерзкого человека, и я замертво упал на землю. Что было со мною, и долго ли лежал я, как мертвый — не знаю. Когда Владычица изволила коснуться моей головы, тогда я ожил и услышал Ее слова: «Дух его в нем есть». Тогда жизнь подобно молнии пробежала по всему моему телу. «Встань, трусливый и малодушный монах, и стань на ноги».

Я же продолжал отказываться, говоря: «Владычица Всесвятая, как я могу совершить такое великое дело?! Здесь нужен муж мудрый-премудрый, сильный духом и словом, а я что? Простак и совершенный невежда, да еще и не силен в благодати Божией — что пес смердящий». — «Слышишь, Петр святой, что он говорит? Я сказала тебе, что ты грабли, секира, что через тебя во всем будет действовать Сын Мой, Бог и Владыка Вседержитель. Господь сделал тебя орудием Своих дивных и святых дел и восхотел в эти дни проявить Свою Божественную славу пред людьми, — Бог, Который был сначала и есть Тот же ныне и во веки». Святой апостол Петр, держа в своих руках чашу со святою водою, говорит мне: «Говори: Аминь», — и я сказал: «Аминь». Владычица, держа в правой руке кропило, говорит: «Ныне мы пришли увидеть и посетить место, издревле избранное Богом Сыном Моим для обители и храма во имя святое Его… Все мы, вместе предстоящие здесь, являемся свидетелями. Ибо восхотел Господь Бог, чтоб освятилось сейчас это место во имя святое Его».

Затем Пречистая двинулась с места, на котором изволила стоять первого марта и начала окроплять святою водою все то место от верха к низу. Обойдя все место и окропив его святою водою, Святая

---

[1] В главном храме монастыря Святой Троицы над южным входом изображено это чудесное видение. В центре находится Божия Матерь с игуменским жезлом. Она окружена огненными языками, приблизительно как на иконе «Неопалимая купина». Справа и слева от Неё изображены святые, которые присутствовали в видении.

Владычица стала на прежнем месте и начала говорить ко всем предстоящим святым. Прежде Владычица обратилась к святым Петру, Афанасию Афонским, Антонию Великому, Феодосию Великому, Пахомию Великому, Феодору Студиту, Антонию и Феодосию Печерским и сказала: «Здесь, на Святой Горе Афонской, проявил Господь силу и благодать Свою, труд же как на Афоне, так и здесь, — Мой. Чем ты стала, Святая Гора Афонская? Кто твои жители? Кто живет на тебе? Я увидела все дела их и сделала им напоминание, но они не исправились. Спустя некоторое время Я опять увидела и подождала — однако у них все не было исправления. Тогда Я опять дала им вразумление — и опять исправления не было. Они пошли по пути широкому и греховному; вместо того, чтобы надеяться на Бога Живаго, пекущегося и промышляющего о них, они оставили все свое попечение о спасении, как было прежде, оставили жизнь в Боге и начали жить в похоти плоти, предались временным грехам и удовольствиям. Им еще дается время для исправления жизни и покаяния».

Всесвятая Владычица еще много говорила к моему окаянству, утверждая меня в послушании Всесвятой воле Ее и Господа Бога. Владычица сошла вниз горы, и я поклонился Ей до земли. Она отступила и стала невидима, а с Нею и все святые стали невидимыми. Это явление началось с десяти часов вечера девятого марта.

Боже мой, какой ужас объял меня! Что было со мною — не помню. Я сел или, скорее, повалился на землю и сидел на том месте до тех пор, пока не встали братья Иоанн и Гавриил. Они вышли из келии и начали по обычаю обходить сад. Так они нашли меня, сидевшего на снегу. Снег тогда был глубокий, а также ударил сильный мороз. Я, пробыв столько времени на морозе, не чувствовал ни малейшего холода — мне было тепло, как летом, и я позабыл даже, что теперь зима и холодно. Они взяли меня в келию, думая, что я замерз. А я только плакал и плакал. Слезы ручьями текли у меня из глаз, и я не мог выговорить ни одного слова. Они стали читать святые утренние молитвы и правило, прочли канон всем святым и начали пить чай. Когда мы напились чаю, я просил их никому ничего не говорить и все, что они здесь видели и впредь увидят, предавать забвению и не увлекаться совершенно, чтобы не впасть в прелесть и не повредить себе; а место, где была насыпана куча снега и которое было огорожено дровами, соблюдать в чистоте, беречь и охранять его, а также охранять всю дорожку оттуда и до верху до самой калитки [2].

Обитель Святой Троицы

Вскоре начал строиться двухэтажный деревянный дом, а в этом доме — церковь во имя Живоначальной Троицы. Иконостас делали в Петербурге из красного кипариса; святой Престол и Жертвенник — из того же дерева, святые иконы были написаны в городе Туле известным художником Василием Васильевичем Чумаковым. По разрешению Святейшего Синода и владыки Арсения, митрополита Киевского, было назначено освящение святого Престола. Освящал его четвертого мая 1864 года архимандрит Выдубицкого монастыря Вениамин с четырьмя иеромонахами и иеродиаконами. Святейший Синод указал и определил мне жить в саду и служить в церкви. Княгиня Васильчикова определила десять тысяч рублей на содержание церкви. На эту сумму также нужно было нанять клирос.

По внушению Божию Московский митрополит Филарет понудил княгиню Екатерину Алексеевну Васильчикову хлопотать о разрешении монастырей, и по его настоянию было положено учредить на этом месте мужской общежительный монастырь во имя Живоначальной Троицы. Княгиня Васильчикова отдала часть своего имения Гусенцы Полтавской губернии Переяславского уезда на монастырь и сделала дарственную. Она представила блаженной памяти Императору Александру Николаевичу прошение о разрешении учредить мужской общежительный монастырь для братии, которая поступала бы в него только из мира, но никак не из других монастырей, а также документы о земле на обеспечение будущих иноков.

Государь, получив от нее прошение, поехал к митрополиту Киевскому Арсению и говорит ему с

---

[2] И в наши дни, в Свято-Троицком храме над входными северными дверями вы можете увидеть изображение описываемого явления отцу Ионе Пречистой Девы с ликами святых, бывшее, по его свидетельству, 9-го марта 1862 года. Владычица изображена в огненной купине. Одежда: голубая мантия, на главе царственный венец. В правой руке кропило. Ее окружают справа: апостол Петр с сосудом святой воды, далее апостолы Иаков и Иоанн Богослов, преподобные Афанасий Афонский, Феодор Студит, Антоний и Феодосий Печерские, святитель Михаил, митрополит Киевский, Петр Афонский, Антоний Великий, Феодосий Великий, Пахомий Великий, Паисий Великий, Сысой Великий, Евфимий Великий, Арсений Великий, Савва Освященный, Дорофей, Варсануфий, Пимен Великий, Ефрем Сирин, Харитон Исповедник, Андрей Критский, Кассиан Римлянин, Исаак Сирин, Марк Фраческий, Макарий Александрийский, Макарий Египетский, Павел Препростый, Пафнутий, Иоасаф Царевич, Иоанн Лествичник, Иоанн Колов, Виталий, Досифей, Варлаам. С левой стороны: святой Иоанн Креститель, апостолы Павел, Матфей, Марк, Андрей, Симон, Филипп, Лука, святитель Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, апостолы Фома и Варфоломей, пророки Моисей, Аарон, царь Давид, царица Феодора, праотцы Авраам, Исаак, Иаков, царь Мелхиседек, пророки Исаия и Иеремия, Иисус Навин, Илия, Елисей, Иезекииль, Даниил и Иов Многострадальный. Икона писана масляными красками на стене по штукатурке, размером во всю стену от дверей до потолка.

удивлением: «Княгиня Васильчикова подала мне прошение об учреждении монастыря в городе Киеве на Звериице. Я удивляюсь, что это с ней? Прежде она была против этого, а теперь сама ходатайствует об открытии монастыря». Владыка митрополит говорит: «Я думаю, что нет надобности открывать еще один монастырь, так как там и так их довольно». Государь, поговорив с владыкой, поехал к себе во дворец. Однако мысль об открытии святой обители не оставляла его. Дома он разговаривал об этом деле с великим князем Константином Николаевичем и государыней. К обеду государь нарочно пригласил обер-прокурора Святейшего Синода графа Толстого, министра двора Аллерберга. Здесь же присутствовали великие князья: Константин Николаевич, Николай Николаевич, Михаил Николаевич, а также митрополит Арсений, княгиня Васильчикова и Строгановы. За обедом государь завел речь о желании княгини учредить в Киеве на Звериице мужской монастырь. Государь потребовал от всех мнения. Некоторые соглашались с желанием княгини, а некоторые находили монастырь ненужным. Особенно против открытия монастыря восставал граф Аллерберг. Владыка Арсений поддерживал мнение Аллерберга. Государь и великие князья держали сторону Васильчиковой. Выйдя из-за стола, они подняли серьезный спор о монастыре и монахах.

Государь рассердился, надел шинель и пошел в сад прогуляться. А там было совершено покушение на его жизнь: злоумышленник произвел в него выстрел из пистолета, но Господь Бог сохранил его целым и невредимым — пуля пролетела мимо. Тогда государь, видя в спасении своей жизни такое неисповедимое милосердие Божие и Божией Матери, пошел в Казанский Собор и отслужил благодарственный молебен Господу Богу и Божией Матери, а затем, возвратившись пешком из собора, зарыдал.

Долго плакал государь. Затем, успокоившись немного, он говорит: «А что, господа, не надо монастыря? А я верю, что Господь Бог и Божия Матерь спасли мою жизнь молитвами того монастыря». — На это все молчали. Тогда государь пошел в кабинет, вынес прошение княгини и при всех написал: «Утверждаю и разрешаю устроиться в городе Киеве на Звериице Свято-Троицкому общежительному монастырю на правах и началах древних святых обителей со скитом, который иноки по своему усмотрению изберут устроить для схимников, отшельников и совершенных безмолвников. Этот монастырь и на будущее время утверждается образцовым для всех монастырей. При этом монастыре учреждаются благотворительные заведения: училище для сирот и полусирот, больница для братии и странников, а также странноприимный дом. Странникам от монастыря должны подаваться покой и пища».

Все стояли, как оглушенные, а стыднее всех было Аллербергу и подобным ему. Государь тут же повелел пригласить княгиню Васильчикову и соизволил сказать ей при всех: «Я вижу Промысел Божий: молитвы нового монастыря спасли меня от смерти, а Россию от страшного потрясения». И вручил ей подписанное прошение, добавив: «Если что будет от меня нужно — я все сделаю». Потом он поехал к митрополиту Арсению, и все пересказал ему о чудесном спасении своей жизни и о монастыре.

Это было в 1866 году четвертого апреля, а шестого апреля мы получили от обер-прокурора священного Синода графа Толстого телеграмму об учреждении монастыря. В ней говорилось, что вся братия, собранная на этом месте Богом, должна следовать, исполнять и хранить слова Господа Иисуса Христа, Спасителя и Учителя нашего: «алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня». О детях же, приведенных к Иисусу Христу, Он, возложив на них Свои Божественные руки, сказал: «Таковых есть Царствие Небесное». Во имя Отца и Сына и Святого Духа учреждается эта святая обитель и при ней все благотворительные учреждения со скитом для спасающихся, истинно возлюбивших Господа и предавших всех себя Ему во славу Божию и во спасение вечное.

На таких мыслях, желаниях и любви к Богу и ближнему, во отраду и вечное спасение множества людей, благодатию Божиею и милостию Всесвятой Владычицы Богородицы и был основан монастырь.

Владыка митрополит Арсений и княгиня Васильчикова изволили прибыть ко мне и вручили все бумаги от государя и Святейшего Синода, а также планы местности монастыря, его земель и план Гусинского имения. Сам владыка митрополит был здесь, все подробно пересказал нам и сказал: «Я сам видел неисповедимую силу и благодать, указывавшие на начало этого святого дела; Сам Господь Бог восхотел всему этому быть. Я видел и уверился, что во всем Его святая воля».

Владыка много помогал в устройстве монастыря, учил всему, чего мы не знали, и всегда оказывал святой обители особое внимание и попечение. Ныне благодатию Божией святая обитель устроена».

История чудотворной иконы

Почти сразу же после своего основания новая обитель получила великое благословение в виде иконы Святой Троицы. Сам старец в своей рукописи описывает ее историю:

«Спустя некоторое время после посещения святой обители Божией Матерью девятого марта я получил посылку. Открываю ящик и вижу святой образ Бога Отца. Там же нашёл письмо следующего содержания:

«Отец Иона, просим Вас принять в Вашу святую обитель святой образ Бога Отца и объясняем следующее, происшедшее с уроженцем нашего города, отставным майором, который был сильно ранен в

Турецкой войне. Бой продолжался несколько дней. Нельзя было ни подбирать раненых, ни хоронить убитых, ни даже оказать какой бы то ни было помощи. Раненые лежали на поле, страшно страдая, истекая кровью, томясь от жажды, и многие умирали. Майор тоже лежал между убитыми и ранеными — с тяжелой раной головы. Некоторое время он был без сознания. Когда сознание вернулось к нему, он начал тяжко страдать, моля Бога и Божию Матерь о помощи и спасении. На пятый или шестой день ранним утром на заре он увидел женщин, обходивших больных. Они были одеты как простые крестьянки и покрыты белыми платочками.

Подойдя к раненому, они перевязывали его раны, давали испить чистой прохладной воды, кусочек белого хлеба и шли к другому. Умерших они осеняли крестным знамением. Майор видел всё это и думал: «Господи, откуда эти женщины? Здесь близко нет никакого жилья, а как хорошо они ухаживают за больными». «Потом, — говорит он, — подошли они и ко мне и сказали: «Мир тебе, и да подаст тебе Господь здоровье». Умыли мне лицо, руки, обмыли раны на теле и голове, вымыли мое окровавленное тело, переменили белье, напоили чистою водою, дали ломтик белого хлеба, и старшая из них говорит: «Терпите ради Бога, и кто покорится и все перетерпит, тот получит Царствие Небесное». И так они приходили к нам каждый день. Я спросил имена этих добрых женщин, но они мне не сказали, а только старшая сказала: «Благодарите Божию Матерь и всех святых».

Через семь дней нас подобрали и отправили в госпиталь. По выздоровлении я вышел в отставку и жил дома. Нас было двое с женой; я всегда помнил происшедшее со мною на поле и в благодарность хотел купить образ. Прошло много времени, мы с женой приехали в Киев на богомолье. Здесь я хотел приобрести образ, но не знал, какой. Мы обошли все иконные лавки Киева и Святой Лавры, но нигде не могли подыскать иконы, которая бы нам понравилась. Однажды после Божественной литургии в Великой церкви мы с женой вышли в Святые ворота и направились в гостиницу. Вдруг у Святых ворот подходит к нам женщина и говорит: «Вы желали купить образ? У меня есть, купите». Она держала его в руках завёрнутым в чистый белый платок. Таким же платком она была покрыта сама. Одета просто. Я смотрю на неё и думаю: где-то я видел эту женщину. И она смотрит на меня и говорит: «Вы желали иметь святой образ, возьмите его у меня». Сняла с образа платок, и я увидел его. Он мне очень понравился, как будто был тот самый образ, который я хотел купить. Я спросил её о цене. Она сказала, что дорого не возьмёт — что я дам за него, тем она и останется довольна. Жене моей образ тоже очень понравился, и она посоветовала мне взять его. Я попросил женщину дойти с нами до гостиницы и там получить деньги. Подойдя к гостинице, я обернулся, но женщины уже не было. Я начал скорбеть, искать её всюду, но так и не нашёл. Я освятил икону. Спустя несколько лет эта женщина явилась мне во сне и говорит: «Не скорби, успокойся и не ищи меня. Я одна из тех, которые прислуживали тебе и прочим раненым на поле». После этого я успокоился.

Икона же начала менять вид: лик, нос, глаза, пальцы делались выпуклыми, как у живого человека, и так продолжалось несколько времени. Все наши это видели. Потом из пальца потекло масло. Мы сначала не обратили на это внимания, и оно текло по божнице. Потом ваткой стали собирать его в пузырек и давать больным, и все получали исцеление…

Мы с женой постарели и стали задумываться, куда нам девать икону. Эта мысль несколько лет беспокоила нас. Раз мы с женой стояли на молитве, и вдруг слышим от иконы голос: «Образ этот будет иметь место и будет в почёте — не скорбите». Мы омертвели от страха, а потом успокоились и договорились, что когда кто из нас умрёт, то оставшийся в живых должен отыскать в нашем родстве доброе и боголюбивое семейство и поручить ему святую икону до времени, пока Сам Господь позаботится о ней».

Умер муж. Жена нашла пожилую благочестивую девицу, поручила ей на хранение икону и всё о ней рассказала. Девица хранила икону, и от неё было много чудес. Когда девица состарилась и почувствовала приближение смерти, то передала святую икону приходскому священнику, а вместе с ней описание её истории и все бумаги. Священник поставил икону в церкви, и прихожане почитали её. Однажды после Херувимской песни, по перенесении Даров, в церкви раздался громкий голос, и весь народ слышал, что этот голос исходил от иконы: «Отправь этот Мой образ в Киев и отдай иеромонаху Ионе. Он живёт выше Выдубицкого монастыря в саду; там будет строиться святая обитель во имя Живоначальной Троицы. Этот образ должен стоять в святом алтаре на жертвеннике — отправь его немедленно». Все слышали голос от иконы, но от какой — священник не знал. Народ пришёл в ужас. Священник успокоил народ, отслужил молебен Святой Троице, но икону не отправил.

Прошло некоторое время. Так же, в воскресенье, во время Божественной литургии, когда священник читал заамвонную молитву, снова раздался громкий голос от той же иконы: «О иерей, что медлишь, почему не отсылаешь в указанное тебе место этот Мой образ? Пошли его на имя иеромонаха Ионы. Он живёт в саду выше Выдубицкого Михайловского монастыря. Будь здоров ты, и вы, все люди, будьте здоровы». И образ осиял. Тогда все увидели, откуда исходил голос. По окончании Божественной литургии отслужили молебен Святой Живоначальной Троице, и все приложились к святому образу».

Священник в скором времени отправил мне святую икону по почте. Получив святой образ, я поставил его в келии… Святая икона и теперь стоит в церкви, в алтаре, на жертвеннике, как сказано в завещании того

святого гласа» [3].

Принципы новой обители

Уже с самого основания монастыря Святой Троицы старец Иона имел целью применение в его жизни тех начал монашества, которые он воспринял, живя рядом со святым Серафимом Саровским и монахами аскетической школы преподобного Паисия Величковского.

С самого начала устав монастыря не позволял принимать в монахи тех, кто переходил из других монастырей, но только тех, кто приходил из мира. Тогда, как, впрочем, и сейчас, в России существовал плохой обычай, чтобы монахи меняли монастыри. Это всегда плохо сказывалось как на жизни обителей, так и на духовном состоянии самих монахов.

Монастырь Святой Троицы был настоящей, а не формальной общежительной обителью, где всё имущество было общим, и никто из братии не имел ничего своего. Монахам строго запрещалось выходить за пределы обители без благословения, как это было распространено в ту эпоху. Об этих правилах существования новой обители пишет сам старец в своём письме к обер-прокурору Святейшего Синода.

Из письма к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву:

«В святой обители совершается и строго хранится устав святого Федора Студита: в церкви Божией, трапезе, поварне, хлебне, просфорне и всех послушаниях, а также по келиям, как в монастыре, так и вне монастыря — в монастырских владениях. Строго воспрещается, чтобы кто-то имел что-либо своё, но чтобы всё было общее. Совершенно воспрещаются самовольные отлучки из монастыря, знакомства с мирскими людьми, пьянство и другие неблаговидные поступки. Нарушители не терпятся и выгоняются вон навсегда. Из других обителей никто не принимается единственно для того, чтобы сохранить целость и благоустроение всех братий. И ныне благодатию Божиею всецело и везде без всякого нарушения сохраняются эти священные правила, заветы и предания святых отцов».

Все стороны жизни монахов обители отличались христоподражательной бедностью: в одежде, обстановке келий, еде. И сам старец как летом, так и зимой носил одни и те же сапоги, лёгкий потёртый подрясник и убогую рясу. Одни из самых верных его учеников — отец Мануил [4] — писал: «Старец Иона сам был такого духа, что не принадлежал уже ничему земному; того же требовал он и от братии. Но мы, в числе их и я, далеко ещё были от духовного совершенства нашего великого аввы».

Послушание для старца было самым главным признаком духовной зрелости монаха. Архимандрит Спиридон [5] рассказывает в связи с этим следующую историю:

«У него был обычай два-три раза в неделю обходить весь монастырь, все послушания, монастырские заведения, смотреть, где и как братия трудится… Ходил всегда один, без келейника, несмотря на возраст. И вот однажды идёт отец Иона мимо здания братской трапезы. Навстречу ему идёт послушник, неся большую стопу тарелок. Поскольку руки у послушника были заняты, благословения надлежащим образом он не мог взять, а только низко поклонился и сказал:

— Благословите, батюшка.

— Бог благословит. Что несёшь?

— Тарелки, батюшка.

— Куда?

— В трапезу.

И тут отец Иона почти грозным тоном скомандовал:

— Брось!

Тот моментально, не размышляя, бросил всю стопу тарелок себе под ноги на кирпичный тротуар. От тарелок остались одни черепки. Неизвестно, что получил послушник от старших трапезных, но отец Иона вызвал благочинного и распорядился:

— Запиши такого-то на постриг — он будет истинный монах.

А тот и послушником-то был немногим более года».

Каждый постриг монахов был для монастыря большим событием. Об одном таком случае — особенно необычном, потому что тогда за один раз постригалось двадцать шесть монахов, — который произошёл 7 января 1885 года, в праздник святого Предтечи Господня Иоанна, рассказывает бывший тогда послушником

---

[3] Икона не сохранилась.

[4] Возобновитель и устроитель скита Рождества Богородицы в Церковщине.

[5] Архимандрит Спиридон (Лукич) был послушником в Ионинском монастыре, пострижен в Киево-Печерской Лавре. Умер в 1991 году.

Митрофан Ковш, который в тот день стал монахом с именем Мануил, а затем в великой схиме получил имя Серафим. Митрофан был послушником на протяжении одиннадцати лет, и всё это время диавол постоянно вёл с ним брань, чтобы он оставил обитель. И когда Митрофан наконец победил свой помысл, старец, которому это было открыто, немедленно благословил его на постриг. Ночью на пятый день непрерывного пребывания в церкви после пострига, как того требовал устав обители, монах Мануил в тонком сне увидел безутешно скорбящих демонов. И когда сам их князь спросил их, почему они скорбят, демоны ответили ему: «Как нам не скорбеть, когда Иона постриг столько монахов?»

Старец насаждал среди своих учеников священную традицию умной молитвы. На этот счёт мы располагаем свидетельством монаха Виктора, который рассказывает следующее: «Однажды старец заказал иеромонаху Ираклию, опытному столяру, сделать штук двадцать пять особых низеньких скамеечек. Когда они были готовы, старец велел позвать старших монахов и раздать им эти скамеечки с таким советом: «Когда вы свободны, то после общего правила садитесь на эти скамеечки и занимайтесь на чётках Иисусовой молитвой, сколько позволяет время — с полчаса или час. Этим ум просвещается. После этого можно ложиться — непременно на правый бок. Лёжа прочитывайте покаянный псалом «Помилуй мя, Боже» и «Верую». Делайте так всегда и храните совесть. Если будете так делать, то Бог вас не оставит и пошлёт всё нужное — даже через забор вам набросают. А если не будете хранить совесть — пойдёте за забор, и там ничего не дадут»».

Развитие обители

Монастырь развивался как духовно, так и внешне. Небольшой деревянный храм вскоре не смог уже вмещать всех молящихся, и поэтому было решено построить новую каменную церковь. Так был построен главный храм в честь Святой Троицы с приделом в честь иконы Божией Матери «Троеручица», который был освящён 28 ноября 1871 года митрополитом Киевским Арсением. Позже к нему был пристроен ещё один придел в честь Всех святых. Также были построены игуменский дом, крыло с келиями, трапезная, гостиница, больница, просфорня и различные мастерские. Монахи работали в монастырском имении Гусенцы и имели свои собственные фрукты, овощи, зерно, воск, рыбу и многое другое. К концу столетия численность монастырской братии достигла 462 человек.

Старец имел особое попечение о паломниках и нищих, которые не имели пищи и крыши над головой. Каждый день приблизительно четырёмстам паломникам предлагалось двухразовое горячее питание и ночлег в трёх гостиницах. Также на средства обители содержалась школа для мальчиков-сирот. Такое развитие монастыря было благословением Божиим и Богородицы, как это видно из одного посещения обители Божией Матерью и Иоанном Предтечей, как его описывает сам старец:

«Не могу умолчать и предать забвению неисповедимые и несказанные благости и милости Многомилостивого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Всесвятой Владычицы и теплейшей Хранительницы, Заступницы и Покровительницы верных Господеви человеков, любящих Бога, наблюдающих за собою и ограждающих себя от наветов врага-диавола и искусителя сатаны. Было это так: вечером, по окончании богослужения в большой церкви, только не помню, какого года, вся братия старшая, средняя и младшая по совершении всех своих келейных правил пребывала в келиях. Я тоже был в своей келии один и хотел было уже ложиться спать. Вдруг приходит сторож-послушник Кондрат, который после того вскоре скончался, и творит молитву. Я ответил: «Аминь», — и отворил ему дверь. Он, весь дрожа от ужаса, трепетно-прерывистым голосом говорит мне: «Святая Владычица Богородица со святым Иоанном Крестителем послали меня сказать Вам, чтобы Вы шли к Ним туда. Они ожидают Вас внизу, около церкви». Когда я услышал это, то и по мне прошел мороз, страх, однако и бодрость. Я наскоро оделся в подрясник, шапку надел, поскорее прочитал «Достойно есть…» до конца, поклон. «Слава, и ныне»; «Господи, помилуй» трижды. Поклон. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Поклон. «Господи, благослови». И поскорее пошёл вниз по ступенькам.

Прихожу и вижу: стоит Владычица Всесвятая Богородица и святой великий Господень Предтеча и Креститель Иоанн. Владычица зовёт меня: «Иди, не бойся и не ужасайся, мир тебе и благодать от Господа Бога Сына Моего. Будь здоров и спасайся, да почивает на тебе и на всей Духом Святым собранной братии, живущей с тобою, Божественная благодать, и да пребывает всегда, ныне и во веки». И говорит ко мне Предтеча: «Говори: Аминь». И Владычица говорит милостиво: «Я пришла посетить святую обитель и всю братию, живущую с тобою». Я поклонился Владычице до земли, как поклонился Ей тогда, когда пришёл к Ней сначала, и, став на колени, попросил, да милостиво благоизволит посетить и воззреть на всех и на вся и милостиво всех благословит. «Ты думаешь, что Я только ныне к вам пришла? Не так это, и Я только показала вам Себя пятый раз. Скажу тебе, что Я всегда, каждую субботу во время акафиста ко Мне бываю и всех в святой обители посещаю: всю братию старшую и юную, все келии обхожу, в каждой бываю и радостно всех приветствую. И Моя душа веселится о них и об их пребывании пред Богом». Войдя в малую церковь, в

святой алтарь, Владычица поклонилась и приложилась ко святому престолу, также к святому Евангелию и святому кресту Господню. Потом к ним приложился святой Иоанн Креститель.

Выйдя из святой церкви, они изволили посетить келии отца Илариона монаха и отца Иоиля. Тут же Она благословила их обоих спящих. Потом Владычица сошла в нижний этаж и там благословила спавших в келиях. И спали они благообразно. Обойдя там все келии, она посетила дальше просфорню и все келии и благословила всех их благообразно спавших. Придя в школу, Она благословила всех благообразно спавших там детей и смотрителя; зашла в больницу и благословила больных, которые спали благообразно. В келию Христофора иеромонаха, пребывавшего в безобразии и жившего в числе братии, Она не благоизволила войти и повелела совсем удалить его из обители. В другой келии дверь была отверзена. Сюда Владычица тоже не изволила внити. Там был послушник, принятый в число братий из другой обители, который также спал безобразно. И его Владычица повелела совсем удалить из обители. И так Она благословляла все келии по ряду и всех братьев, спавших благообразно. Затем подошла к колодцу и благословила внутри него. Вошла в братскую трапезу и, увидев на её потолке написанный гроб Владычицы, пелену и предстоящих святых апостолов, а также Саму Себя, изображенную на воздухе горе, изрекла: «Се истина есть».

Обойдя все келии, трапезную, братскую кухню, келии поваров, келии внизу, чайную и дорогу до ворот, Она благословила всех спавших благообразно в келиях. В келию пчельника Прокопия, находившегося в безобразии, Она не пошла и повелела удалить его из обители. В святой Великой церкви и во святом алтаре Пречистая изволила поклониться святому престолу Господню, святому Евангелию и святому кресту, а также святому престолу в приделе. Она благоизволила посетить всех братий, была в келиях иеромонахов, монахов, послушников — всех посетила и благословила. Двух же послушников, только что поступивших, Иакова и Илию, Она повелела удалить из святой обители и не принимать, ибо они безобразны.

Обойдя вокруг святой церкви, Она пошла в гостиницу, посетила всех богомольцев. Спавших неблагообразно Она не благословила, а благообразно — благословила; благословила также гостинников. Затем Владычица говорит: «Ещё нужно посетить, любве ради к Богу и ближнему, трудящихся. Пойду увидеть их». Когда Она вошла в хлебню, там уже начали в деже месить хлеб. Когда месившие обошли три раза, мешая тесто вёслами, и остановились, чтобы прибавить к замесу муки, Владычица подошла к деже и благословила тесто и каждого брата по три раза. А у старшего брата хлебника благословила голову, грудь, руки, а потом и всего его три раза. Потом благословила муку, воду, печь, все орудия и говорит: «Да будет и пребудет на них и на деле этом святом благодать Господа Спаса, Бога, Сына Моего и Моя и да почиет на месте этом святом во век века…»

Затем Владычица благословила конные обиталища, говоря: «Пусть служат и работают для всех во благо, во славу Божию и на пользу этой святой обители». И говорит мне: «Пойдём также в коровьи загоны, взглянём на них». И пошли мы на скотный двор. Обойдя обиталище, где в помещении находились коровы, и, обозрев все оные, Она благословила коров, бычков и малых телят. Оттуда мы пошли в помещение, где жили находившиеся в послушании и труде около скота. Видя всех их благообразно спящими, так что руки у каждого были сложены крестообразно при персях, Владычица весело воззрела на них и благословила всех их.

Затем Она обошла келии сестёр, спавших благообразно, и благословила всех их. Выйдя оттуда на гору ко святой церкви, Владычица обошла вокруг церкви и говорит: «Объявляю завет Мой и дело Моё: каждую субботу, когда поётся акафист Мне, Я всегда бываю везде и посещаю всех; и если увижу кого в безобразии находящегося — отлучу, и отвергну, и извергну его отсюда. Тех же, кто верно трудится, пребывает в любви к Богу и терпит ради Бога труд и скудость, всегда укрепляет, сохраняет, утешает и спасает благодать Божия и Моя».

И я осмелился сказать Владычице: «Ты изволила быть в хлебне, а никакого знамения Своего присутствия там не явила». — «Знаю, — говорит Владычица. — Если Мне давать знамения везде, где Я только бываю, то мал успех будет спасающимся. Каждый в неведении тщится приобрести благодать Божию, благоугодить Богу и спастись, а когда ощутит Моё посещение, то находит на него покой, мечтание, и он начинает мало трудиться, отчего впадает в беспечность и нерадение. Поэтому лучше иметь труд и подвиг. И так каждый преуспевает, имеет всегда страх Божий, благоговение, память Божию, ревность по Богу, желание быть с Богом и благоугождать Ему. И так мало-помалу спасающийся приходит в силу и совершенство. Таким образом спасается всякий любящий Бога и всего себя предавший Ему».

Так Всесвятая Владычица Госпожа Богородица благоизволила обойти всех и вся и изволила сказать: «Люблю отдавших себя Господу в послушание всесвященной Божественной воле Его, трудящихся и благолюбезно терпящих всё за едину любовь к Сыну и Богу Моему. Они возводят очи свои ко Мне, и Я всегда к ним и с ними пребываю. Они — святой ангельский чин иноков и инокинь. Радуется о них дух Мой, и веселятся сердце и душа Моя, и утешение Моё в них. Потому что блаженны живущие в доме Божием и находящие приют во дворах дома Господня: Господь Бог есть посреди них, и веселится святая душа Его в них. Возвеселит и их Господь Сил весельем вечным и радостью неисповедимой и во веки неизменной». Божественный Предтеча Господень говорит ко мне: «Говори: Аминь». И я сказал: «Аминь», — и поклонился

Всесвятой Владычице до земли. Она благословила всю святую обитель, всю братию и всех трудениц скотного двора и всех по имени нарекла: огородниц всех, моющих бельё и пришельцев, пришедших потрудиться, посетить и поклониться священным местам града Киева и всем святым в нём и принести свои молитвы ко Господу Богу. Я сказал: «Аминь», — и поклонился до земли.

Владычица благоизволила идти вниз к малой церкви и, придя на то самое место, где благоизволила стоять во время первого, второго и третьего Своего посещения, ещё раз изволила стать на этом месте, и говорит: «Знай, Бог даёт мудрость, силу, благодать и спасение людям, ищущим Господа и благоугождающим Ему, и никогда не прекратятся щедроты Его. Так будет и есть на месте этом святом Его. Если благоволит Господь Бог и Сын Мой кого-то избрать и призвать на это место святое — не отворачивайся и прими его. Испытывай в нём веру, надежду и любовь ко Господу: имеет ли он готовность жить, делать, хранить и благоугождать Ему? И если обнаружится это в нём, и готов он будет терпеть все напасти только лишь из любви к Богу, прими его, да спасётся и да имеет похвалу от Бога». Вновь благословила Владычица святую обитель и всех живущих в ней.

Поклонился я, окаянный гнилой чурбан, в землю, а Владычица говорит: «А безобразных — выведи всех из святой обители, чтобы их здесь не было — ибо неполезны. Если найду таковых, когда буду здесь, — не потерплю». И так Владычица, благословив, отошла вместе со святым Иоанном Предтечей и стала невидимой».

Скорби старца Ионы

Тогда как весь простой православный народ России любил и чтил старца Иону, многие священники и монахи из других киевских монастырей не очень его жаловали, а некоторые даже ненавидели. Особенно его не любили в соседней Лавре. Иногда дело доходило до того, что паломникам, желавшим попасть в монастырь Святой Троицы, давали ложные сведения. Говорили, например, что отец Иона будто бы умер, а монастырь закрыли.

Епископ Тамбовский и Калужский Виталий [6], который был верным духовным чадом старца, послал однажды к нему одного помещика, хотевшего обсудить какой-то вопрос. Тот, посетив вместе с семьёй сначала Лавру, спросил у гостиничного:

— Сколько отсюда до монастыря отца Ионы?

— Это очень далеко — около пятидесяти километров, — ответил тот.

— Да, это действительно далеко, однако я поеду туда во что бы то ни стало, пусть это будет и сто километров.

Он вышел из Лавры и спросил какого-то извозчика:

— Знаешь, как ехать к отцу Ионе?

— Как же не знать?!

— Сколько хочешь?

— Три рубля.

Помещик удивился, как можно за три рубля проехать пятьдесят километров:

— Ты уверен, что хорошо знаешь дорогу? — спросил он его. — Сколько это километров?

— Около трёх.

Тогда помещик понял, что гостиничный сказал ему ложь.

В другое время опять один лаврский монах спросил с досадой послушника старца Ионы:

— Когда уже умрёт Иона?

— А ты разве не читал, что праведный пребывает во веки? — ответил тот.

Посещение преподобным Сергием Радонежским

Отцу Ионе приходилось переживать множество скорбей, как и всякому игумену, который истинно печётся о своих духовных чадах. Однако во всех этих испытаниях его постоянно сопровождало Божественное утешение. Так, например, в 1887 году ему явился преподобный Сергий Радонежский со своими учениками, чтобы утешить его:

«Днём часов в двенадцать или в час пополудни я был в келии и занимался пересматриванием бумаг и святых книг. Я был один. Вдруг слышу, кто-то ясно творит молитву и идёт ко мне. Подойдя близко, говорит: «Благослови, отче. Спасайся, отче». Я подумал, что это пришёл кто-то из нашей братии и не оглядываюсь, но делаю своё дело. Потом оглянулся и увидел благовидных и светолепных старцев. Мне стало совестно, что я

---

[6] Епископ Виталий (Иосифов) преставился на покое в Ионинском монастыре. Известен тем, что отпевал преподобного Амвросия Оптинского.

не встретил их, и я говорю: «Простите, батюшки и святые отцы, что я обратился к вашей святыне так невежливо. Я полагал, что это кто-то из нашей братии пришёл. Прошу вас о Господе сесть и благословить моё недостоинство». Они изволили сесть. Я спрашиваю их: «Откуда Бог принёс вас посетить святые места, так что благоизволили ещё и к нам грешным прийти?» Старший старец — седовласый, с седою бородою, роста среднего, в святой схиме и мантии — говорит ласково и кротко: «Я пришёл к тебе, отче, со своими учениками-иноками, чтобы поговорить с тобою. Сколько ты трудишься, работаешь, а ко мне ни разу не зашёл, ни за чем ко мне не обращаешься, а у меня ведь тоже обитель во имя Святой Живоначальной Троицы».

Я говорю ему: «Простите меня, батюшка, к кому я могу обратиться, да и смею ли: такой маленький, скудоумный, невежественный и ничтожный человек? Могу ли я осмелиться это сделать? Крайнее невежество не позволяет мне беспокоить кого-либо. Я и слов связать не умею, и произнести их пред кем-нибудь совершенно не могу. Поэтому как мне осмелиться беспокоить богоугодных отцов и боголюбивых мужей? И ныне, батюшка, отче святой, простите меня Бога ради. Как видите, что не от гордости, а от невежества и ничтожества я не смел и не смею беспокоить кого-либо».

И говорит старший: «Я давно ожидал тебя, что ты обратишься ко мне за каким-нибудь советом или вопросом. Я радостно смотрел на всё твоё дело и с любовью к Богу утешался. Ныне же твоё молчание побудило меня прийти к тебе, видеть тебя и высказать тебе всё, что есть во мне пред Богом. Любовь к Богу понудила меня и моих со мною прийти навестить тебя и поговорить с тобою обо всём. Скажу тебе, что всё, что ты делаешь и терпишь, то и я на себе испытал, прошёл на деле, и Господь Бог и Всесвятая Владычица помогли, вразумили и утешили меня. Господь Бог Своею милостью и помощью всё сотворил и показал мне Своё неисповедимое милосердие.

Знаешь ли ты, отче, что дело моё, как и твоё, нелёгкое. Ты когда-нибудь читал обо мне? Всё это, батюшка, дела Божии и святые — они не легко совершаются. Я пришёл к тебе по Божию благословению, чтобы навестить тебя. Не унывай, Бог избрал нас орудием Своего дела, всё же делание — от Него, а мы лишь исполнители всех Его предначертаний. Теперь я вижу и понимаю, что было со мною тогда: много труда и скорби перенёс я и трудящиеся со мной. Нелегко было и им со мной: через меня они терпели и любовью к Богу покрывали укоризны, труды, хулы и поношения. Мы являемся бревном в очах некоторых людей и кажемся для них очень странными. Своим делом мы ожесточаем их сердца, оно приводит их в ярость и раздражение, является им тёмною тучей. Заметил ли ты всё это, отче? Я всё это испытал на себе, также и ученики мои всё это испытали.

Написано: *Храни незлобие и видь правоту* , — и еще: *Господи, оставь им, не поставь во грех, ибо не ведают, что творят* . Вот что мы должны делать. Слышишь, отче, я тебя предупреждаю: если тебе что нужно — ты всегда смело обращайся ко мне; я всегда готов тебе послужить ради любви к Богу».

«Простите, батюшка, верите ли вы мне, но я никак не могу собраться с духом высказать свою мысль в тяжкие минуты. Да и кто обратит внимание на мою скорбь — только посмеётся надо мною. В тяжёлые минуты я всегда прибегаю к Господу Богу, Матери Божией и всем святым. И так, слава Богу, препровождаю дни делания моего пред очами Божиими. Господь Бог, Матерь Божия и все святые дивно покрывают, помогают, утешают меня и всех со мною.

Осмелюсь, батюшка, предложить вам покушать нашего братского хлеба-соли, любви ради к Богу. Я сейчас велю поставить самовар. Попьёте чайку, а потом и закусите. Когда изволите, я скажу конюху отвезти вас, куда изволите указать. «Нет, отче, успокойся, мы пришли к вам пешие — так и обратно пойдём». — «А где же вы остановились — в Святой Лавре или в монастыре святой великомученицы Варвары?» — «Нет, в Лавре. Ещё предупрежу тебя, отче: в святую обитель придут многие и возжелают посвятить свою жизнь Господу — не отвергай их. Испытывай их, но не отвращайся от них. Сам Господь Бог избрал и призвал их. Дух Святой не оставляет их и вводит в эту святую обитель. Так было у меня и ныне есть, хотя и меньше. Никого из них не оставляй и не предоставляй самим себе, но поручай руководителю-старцу, пусть научатся любить Господа Бога и благоугождать Ему. Те, которые в смирении и усердии проходят своё святое послушание, придут с помощью Божией в меру совершенства, а ты будешь иметь за них похвалу».

Я говорю им: «Простите меня, отцы святые, из какой вы святой обители? Из Оптиной пустыни или из иной какой?» Старец улыбнулся весело и говорит: «Из Радонежа мы, радонежские. Мы все оттуда. Там есть святая обитель Святой Живоначальной Троицы». — «Давно ли, отцы святые, вы там живёте, и какое ваше святое послушание?» — «Игумен, отче». — «Как ваше святое имя?» — «Сергий. Я тебе уже всё о себе рассказал, как я трудился милосердием Божиим. Также и тебе мы желаем успеха в твоих трудах. Ещё я пришёл сказать тебе, чтобы в церкви не спешили читать и петь, но совершали все службы неспешно, со вниманием, ибо иначе подпадают под проклятие Божие. Я — Сергий Радонежский, а это мои ученики».

Они помолились ко святым иконам и сделали по три земных поклона. При этом крестились они очень верно и благоговейно. Затем Сергий Радонежский говорит ко мне: «Обращайся ко мне со всем, что тебе нужно. Я всегда по Бозе помогу тебе». И они вышли в двери келии. Я вспомнил, что забыл дать им по святой

просфоре, но их уже не было. Не нагнал я их и за порогом келии».

Видение Небесной Обители

Ещё при жизни старец Иона имел Божественные свидетельства о том, что все его труды и скорби не были напрасны, но имели замечательные духовные плоды. Одним из таких свидетельств стало видение Небесной Обители, датированное 1888 годом:

«Благостью Божией и неисповедимой Его милостью, а также ходатайством, попечением и покровительством Всесвятой Владычицы нашей Госпожи Богородицы и всех святых было мне грешному видение или откровение — не могу этого понять по своему скудоумию. В 1888 году под пятое число февраля по окончании всех дел по монастырю, помолившись Господу Богу, Божией Матери и всем святым, в одиннадцать часов вечера я лёг спать и лёжа занялся умною молитвою. Вдруг мне кажется, будто я оделся в свою обычную одежду — подрясник, то есть балахон и тёплый серенький подрясник, в каком я обыкновенно хожу, надел на голову спальню и, взяв в руку палку, вышел из келии и пошёл ночью по монастырю.

Обойдя кругом большой церкви, я пошёл к воротам на горе и вижу, что эти ворота открыты, но около них никого из сторожевой братии нет. Дойдя до самих ворот, смотрю за ворота на дорогу, по которой ездим мы и все другие, и вижу необыкновенное чудо: сразу же по ту сторону дороги дивный лес, роща очень красивого вида. Этот лес весь зеленый, все деревья и зелень очень свежие, везде растёт свежая зелёная травушка. Я стою, смотрю на всё это и говорю себе: «Господи, что всё это значит? Сколько лет я на этом месте живу, хожу, езжу, но ничего этого никогда не видел!» Стою я около святых ворот, удивляюсь всему этому, а потом и говорю себе: «Чья же это чудная и очень красивая роща? Да и где же находится — около самих наших ворот!» Потом пошёл я через дорогу дальше, дивясь этой чудной, никогда не виданной роще.

Дорога была зелёная, и по обе её стороны росли деревья. Пройдя дальше, я увидел добротные ворота и крест святый наверху ворот. Я трижды перекрестился и поклонился. Остановившись, осмотрелся: по обе стороны росли свежие зелёные деревья. Я осмелился подойти ближе к воротам. Смотрю, по обе стороны проезда стоят два монаха. Я несколько осмелился, подошёл ближе. Вижу, это два наших монаха: отец Серапион и отец Аркадий. Говорю им: «Зачем вверху над воротами образ Святой Живоначальной Троицы?» А они мне говорят: «Господь Бог поставил нас здесь сторожить врата дома Господня и стеречь обитель святую и здесь пребывающих и во веки живущих». — «Какая же здесь обитель, каких святых, что это за место, где оно и какого оно монастыря?» Они мне отвечают: «Сия обитель есть Святая Святых, дом Господа Бога Вседержителя, Святой Живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа. Здесь присно живёт Сам Господь Бог. Тут же по отшествии от временных и земных живут все благоугодившие Ему. Они славно приемлются сюда Господом Богом и имеют здесь вечное пребывание».

Опять говорю к ним: «Вы же как около чужого места и обители святых находитесь?» Они отвечают: «Место это не чужое, а наше, ибо всё это принадлежит Киевскому Свято-Троицкому общежительному монастырю. Все наши братья и сёстры, потрудившиеся ради Господа Бога в Свято-Троицком общежительном монастыре, а также верно и с любовью ко Господу пожившие, по кончине временной жизни вводятся сюда». — «А недавно скончавшиеся в нашей обители живописец Варфоломей и послушница Параскева, которая трудилась, проходила послушание в коровницах на скотном дворе нашего монастыря, — и они здесь?» Они оба отвечают мне: «Милосердием Божиим и благодатью Всесвятой Госпожи Богородицы, молитвами всех святых все здесь пожившие, потрудившиеся любви ради ко Господу Богу и скончавшиеся — все здесь: и отец Иларий, и отец иеромонах Самуил, и первый монах Иларион, — все здесь, и вас всех сюда ожидаем».

Я им говорю: «Странное дело — сколько лет живу здесь, а этой таинственной рощи или, лучше сказать, дивного сада никогда не видел, да и не слышал даже о нём». Опять говорю: «Позволяется ли кому-нибудь от Господа Бога вход внутрь святой обители?» — «Бывает, но очень редко и очень мало, потому что некоторые живущие в теле на земле умом своим прилепляются к земным, а потому им не приходит и мысли о посещении вечного, поэтому таковые сюда, в горняя, вечная и славная, не входят. Это является для них как бы ненужным — так они от временной земной жизни и отходят, скучны и безотрадны». — «Жаль», — говорю я. И они мне говорят: «Жаль, но это всё зависит более от самого человека и от его невнимания». Я говорю им: «Что же, я бы желал войти сюда, внутрь святой обители». Они мне говорят: «Вам можно. Нам позволено Богом впустить вас внутрь, только теперь на малое время, потому что у вас есть ещё дело в обители, вам надо ещё потрудиться».

После этих слов врата святой обители отворились. Я перекрестился и говорю себе: «Слава Тебе, Господи Иисусе Христе Боже мой, что не лишил меня, грешного, милости Своей».

Когда я вошёл внутрь двора, то увидел там чудный свет. Внутри святой обители был чудный вид, великое и дивное пространство, чудная местность, чудная земля, чистая, как самый чистый кристалл стекла. Пройдя далее, я увидел, как по обе стороны стоят посаженные деревья: красивые, зелёные. Иные в цветах —

расцветают, на иных завязываются плоды — и все по ряду и по линии. Далее стоят обители святых. Воздух там чудный и живой, тишина глубокая, нет ни пыли, ни дыхания ветра, но всё живое, тишина великая. Потом вижу, посреди равнины стоит великое здание. А здесь отец Самуил иеромонах — несёт в руках цветы. Подойдя ко мне, весело говорит: «Благословите меня, батюшка. Вот хорошо, что вы к нам пришли; хотя и ненадолго, но всё равно хорошо». Разговаривая со мною, он наклонился и на приготовленных грядках полянки начал сажать цветы. Цветы были чудные, каких я от роду не видел. Я говорю ему: «Ты торопишься сажать их теперь, а ты бы сажал их под вечер; за ночь они бы осиделись, на них сошла бы роса, полила их. Тогда к утру, они бы освежились. А ты вот теперь их посадишь, польёшь, а солнце взойдёт, пригреет, и они могут привянуть — всего лучше сажать цветы под вечер, на ночь».

А он мне говорит: «Батюшка, вот вы видите свет, но солнца у нас здесь никогда не бывает. Солнце у нас — это Сам возлюбленный нами Господь Бог Вседержитель, во Святей Троице славимый, Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой; Дух Святой Утешитель, Дух росный, Который всё орошает и оживляет». — «Как же вы здесь живете?» — «Ах, батюшка, как вам сказать. Мы здесь все живём не под страхом и угрозой, а в любви и совершенной радости и отраде, о которых никакими устами сказать невозможно. Скажу только с ужасом, что мы здесь все пред Господом Богом, и никак не возможно высказать Его милости, благости, снисхождения к человеческому роду и любви к нам. Он пребывает в нас, недостойных. Его славе и величию нет конца. Однако Он так приблизил нас к Себе, что стал нам отцом, братом и другом. Он так близко, так близко, так близко к нам, что этого и выразить невозможно. От Него здесь царствуют простота, простодушие, простосердечие, откровенность и любовь. И всё это приводит всех нас к ужасу благоговения и чистой любви к Нему, яко Царю и Богу нашему. И что поражает нас — это Его высокая любовь к нам, так что не мы служим Ему, а Он нам».

Затем я спросил, кто здесь находится из наших братьев. «Все, которые жили в монастыре и скончались, здесь: вся братия, сёстры-послушницы — всем и каждому от Господа Бога назначено особое служение и послушание». Я говорю: «Отец Варфоломей-живописец здесь?» Он отвечает: «Ему тоже от Господа Бога назначено послушание, и он служит в нём». — «А отец Иларий?» — «Да, слава Богу, он здесь. Милостью и ходатайством Всесвятой Владычицы Госпожи Богородицы он введён сюда и принят. Теперь все мы заняты. Сам наш Владыка Господь Бог занят, и мы все тоже заняты приготовлением к великому дню празднества и торжества, который скоро настанет. Мне Господь Бог поручил сажать цветы». Я ему говорю: «Ты бы дал один цветочек отцу Антонию — я ему передам». А он говорит: «Отец Антоний пусть сам занимается этим делом, и будет иметь свои цветы!» — и не дал. Я спросил отца Самуила: «Вы кого-то ожидаете сюда? Царя, князя, царицу, или какую княгиню, или кого из-за границы, или кого от высоких лиц?» — «Господь будет здесь, и в 1892 году Он совсем перейдёт сюда на жительство; тогда совершится высокое торжество…»

Когда он мне это говорил, вдруг отворилась дверь самого славного, великого и дивного корпуса, стоявшего посреди двора, и из дверей вышел наш первый инок отец Иларион. Увидев меня с отцом Самуилом, он обрадовался и позвал меня. Отец Самуил говорит: «Идите туда, батюшка, он живёт там и служит во Святая Святых». И я пошёл к нему. Здание стояло высоко, и нужно было восходить в гору. Я вошёл внутрь и увидел большие комнаты, очень хорошо украшенные, чистые. В два ряда стояли столы. Всё было прекрасно размещено, всякая вещь находилась на своём месте. Я спросил отца Илариона: «Для чего же здесь так много столов, и для кого они? Разве вы ожидаете сюда великих гостей, царей, князей, или из Греции придут патриархи, что вы так готовитесь и спешите?» А он весело улыбнулся и говорит: «Эта святая обитель устроена не для кого другого, а для Вас и для братии Свято-Троицкого монастыря. Только братья нашей святой обители, подвизающиеся ради Господа, предавшие себя во всём Господеви ради любви к Нему и посвятившие себя и всю свою жизнь Богу, будут обитать здесь с Господом во веки вечные. Сам наш Всеблагой Господь и Владыка занят делом устройства этой обители. Он Сам занят делом больше нас всех, и мы все неустанно трудимся с Ним. И меня, грешного, Он поставил здесь и повелел как можно лучше всё убрать, поставить и украсить. Господь первый пребывает с нами в трудах: учит, показывает, начинает и разъясняет. Я хотел было покрыть столы дорогими и прекрасными скатертями, но когда Господь Бог благоизволил прийти и увидел скатерти, повелел их убрать. Он Сам пошёл в Свою святую сокровищницу и взял там вот эти скатерти. Принёс их и велел покрыть ими столы — вы сейчас их видите на столах».

Я говорю отцу Илариону: «Наверное, Господь Бог хочет ввести сюда каких-нибудь дивных, добрых, богоугодных мужей: царей, цариц, патриархов, митрополитов и архиереев, потому и проявляет особую заботливость и труды в устройстве и украшении палаты?» Отец Иларион улыбнулся и говорит: «Вот приближается 1892 год — тогда сами увидите, кого Владыка Господь будет принимать и введет на Свою вечерю…» — «А для чего вы теперь так суетитесь, ведь сейчас только 1888 год. До 1892 года ещё очень далеко». — «Нет, батюшка, не далеко. Это только вам так кажется, что и здесь так, как у вас на земле, во временной жизни. Здесь совсем всё не так. Здесь тысяча лет, как один день, и один день, как тысяча лет. Здесь совсем не то, батюшка. Пойдём со мною, я вам кое-что покажу». И он повёл меня в палаты.

Я увидел светлые, великие и прекрасные палаты, и великий свет был разлит в них. Во всю палату

висела завеса, и стояла великая тишина. «Здесь Святая Святых и покой Господа Вседержителя. Повелением Всеблаженного Владыки нашего Бога мы непрестанно совершаем славословие, исповедание, благодарение и молитвы к Господу Богу, непрестанно хвалим и благодарим Творца. Нужно бы вам много и много показать, возвестить и сказать, но теперь вам, батюшка, некогда — у вас там ещё много дел. Поэтому задерживать вас здесь нельзя». Я говорю: «Как же вам здесь живётся? Сподобляетесь ли видеть Господа Бога и какие дерзновения к Нему имеете?» — «Словами невозможно выразить, какое дерзновение имеем мы ко Господу, и как Он милостив и благ к нам. Благость и милость Его к нам описать нельзя; никакой родной отец не бывает так добр к своим родным детям, как Отец Небесный к нам. Любовь Его к нам неизмерима и ни с чем не сравнима. Он есть истинно Бог человеколюбивый и Отец. Он есть Любовь. Он Сам всё делает и первый служит нам во всём. Он всегда с нами, и мы с Ним и в Нём. Здесь нет страха, но всюду и во всех одна любовь. Однако Господу Богу угодно, чтобы Вы переселились к нам в 1892 году. Тогда все приобщатся пира Господня, вкусят от трапезы Господней и возвеселятся неисповедимой радостью. Вам уже время идти туда, ибо у вас там есть ещё дело».

Выйдя на двор, я увидел отца Самуила. Подойдя к нему, говорю: «Вы все спешите, посмотрите — некоторые деревья, посаженные Богом, уже имеют зрелые плоды, иные имеют плоды незрелые, иные только цветут, на иных ещё почки, иные уже распускают почки и готовятся к цвету, на иных нет плодов, но только листья, а иные лишь начинают оживать и распускаться». И отец Самуил говорит: «Батюшка, все деревья, растущие здесь, — это братья, живущие у Вас в Свято-Троицкой обители… Господь Бог милостиво вселил нас сюда. Жаль, что некоторые деревья хотя уже и выросли, но потом от самих себя заболевают, увядают, страдают и усыхают. Идите за мною далее и посмотрите, на каком месте близ Господа Бога стоят некоторые деревья, и в них есть жизнь, цветы и плоды. А иные находятся далеко от Господа, и они безжизненны. Всё в них омертвело. Вот это дерево такого-то брата, это — такого-то, это — с плодами, приходящими уже в зрелость…

Вам теперь здесь долго быть нельзя. Уже шесть часов утра, и к вам в дверь стучат и творят молитву. Я знаю, что все наши святые отцы и сестры желали бы видеть вас здесь, но у вас ещё там большое дело, и вам надо, по воле Божией, совершить его и послужить всем имеющим в вас нужду. Мне нужно многое передать вам для пользы живущих с вами братий, но Господь следит, что теперь мало времени… Прощайте, идите домой, а то к вам в дверь уже стучат».

И действительно, когда я возвратился к себе, услышал сильный стук в дверь. Я пробыл в странствии с одиннадцати часов ночи до половины седьмого утра. И с тех пор, как смотрю на ворота и за ворота, всегда вспоминаю это видение и всех братий, виденных мною. Всё, что было возможно поместить и написать для пользы братий, я поместил и написал, а что не нужно и бесполезно — оставил.

Пространство виденной мною обители было очень велико. По правой и по левой стороне там были построены большие здания, в которых обитают святые. Обитель Всесвятой Владычицы стояла отдельно от обителей святых. Она была очень красивой — красивее и больше всех. Она была ярко освещена каким-то особенным светом, который сиял, но не тяготил, освежал, оживотворял. Свет этот был не от солнца, а от славы неисповедимого Божества. Этот свет дух живит, сердце умиротворяет, ум озаряет, проясняет, невидимое видимым делает и непонятное проясняет. Там везде царствуют тишина, мир, любовь. Ветра там нет, бури нет, вихря нет, зноя палящего нет, мороза и холода нет. Воздух тонкий, животворный, лёгкий, чистый и светлый. Всё там: дыхание, и тварь, и деревья, и цветы, — хвалят, славословят, благодарят Господа Бога, во Святей Троице поклоняемого и славимого от всех. Аминь. Аминь. Аминь».

Последние дни старца и его блаженная кончина

В бытность митрополитом Киевским Иоанникия (Руднева) отношения старца Ионы и церковной власти складывались сложно. Когда он однажды решил построить новое здание для братских келий и большую колокольню, возник повод к ещё большему их ухудшению.

Дело в том, что старец выслал чертежи колокольни и братского корпуса непосредственно на утверждение императору, не уведомив о своих планах митрополита. Тот же, узнав об этом от самого царя, сильно разгневался на отца Иону. Этому, как обычно бывает, помогли некоторые недоброжелатели старца из окружения митрополита. Последний решил отстранить отца Иону от настоятельства в обители. Однако Святейший Синод не утвердил этого решения и продолжал признавать его игуменом обители. Несмотря на это, по распоряжению митрополита, монастырём начал управлять его казначей иеромонах Мелхиседек.

Говорят, что на смертном одре митрополит Иоанникий раскаялся в содеянном: «Напрасно мы трогали отца Иону», — говорил он. Также и старец говорил о митрополите: «Он хороший человек, только окружающие его сбивают».

Все эти печальные события были для отца Ионы, который и без того имел слабое здоровье, жестоким ударом, ускорившим его смерть. В июле 1901 года он слёг в постель. Пятнадцатого декабря над ним

совершили Елеосвящение, и с того дня до самой своей смерти он ничего не ел, но только каждый день причащался и пил святую воду. Тем не менее, почти до последнего часа своей жизни он принимал людей, как бы тяжело ему ни было. Находившиеся рядом с ним видели, как он страдает. Его последней болезнью была водянка, от которой у него сильно болела кожа на всём теле, и никто не мог к нему прикоснуться. Один послушник, видя, как он мучится, сказал:

— Батюшка, помолитесь Божией Матери, чтобы Она разделила болезнь вашу на всю братию.

— Нет, не понесут, — кротко ответил старец, — буду я один терпеть.

Когда он ещё мог разговаривать, сказал окружающим: «Телом я от вас отхожу, а духом с вами, а вы приготовьте адрес (то есть душу), чтобы был чистый, а я найду там хороших людей и попрошу их за вас, чтобы вам было хорошо».

У него спросили разрешения отслужить о его выздоровлении всенощное бдение и литургию. На это он ответил: «Не надо беспокоить служащих и смущать людей — я всё равно в среду отойду». Во вторник была отслужена литургия со всенощным бдением накануне, а в ночь на среду старец Иона скончался.

В ту же ночь настоятелем Выдубицкого монастыря архимандритом Евлогием была отслужена первая панихида по почившем. Во все последующие дни: девятого, десятого и одиннадцатого января — непрестанно совершались заупокойные моления, а десятого числа гроб с телом старца был перенесён в главный храм обители. Чтобы попрощаться с отцом Ионой, в монастырь массами приходил народ из Киева и окрестностей.

Двенадцатого января епископом Сильвестром и множеством клириков, которых было приблизительно шестьдесят человек, было совершено отпевание старца. Храм и монастырский двор были запружены народом — всего на отпевании присутствовало около тридцати тысяч человек. После отпевания гроб с телом отца Ионы трижды был обнесён вокруг храма. Все присутствовавшие были поражены поведением голубей, которые при обнесении тела вокруг храма летали над гробом и жалобно ворковали. Бессловесная природа тоже участвовала в великой скорби о смерти отца Ионы.

Так завершилась земная жизнь великого старца, который просиял незадолго до того, как Россия погрузилась в хаос коммунистической диктатуры и безбожия.

Велика была любовь народа Божия к отцу Ионе, особенно в последний период его жизни. Множество паломников со всех концов страны приходили в Киев, чтобы получить от богоносного старца благословение, утешение и духовный совет. Каждый год обитель Святой Троицы, которую люди прозвали монастырём отца Ионы, посещало свыше ста тысяч паломников. Самого старца почитали за святого.

* * *

Старец однажды предрёк: «Я стану мучеником после смерти». В 1934 году советская власть закрыла монастырь, а в 1966 году осуществилось пророчество отца Ионы. Его могила была вскрыта, и родственникам, если таковые найдутся, предложено забрать останки. Пока искали родственников, кто-то отделил от тела голову старца и правую ладонь, которой он благословлял людей. Двадцать первого октября 1966 года его святые мощи были перенесены на кладбище. Их положили в одну могилу с останками духовного чада отца Ионы епископа Калужского и Боровского Виталия (Иосифова), который умер 15 сентября 1892 года.

13 октября 1993 года святые мощи отца Ионы были обретены братией вновь открывшегося монастыря Святой Троицы и помещены в крипте главного храма обители.

В 1996 году общие чувство и опыт народа Божия, которые являются главным критерием в решении о причислении к лику святых, выразились в объявлении отца Ионы местночтимым святым. В 2000 году состоялось торжественное всецерковное прославление преподобного.

Воспоминания о старце Ионе

1. Однажды после общего благословения одна старая крестьянка добивалась попасть к отцу Ионе на совет и рассказывала, как ей трудно жить. В это время к ней сзади незаметно подошёл отец Иона и, схватив за рукав, строго сказал ей: «Помнишь, как ты жила? Помнишь? Так теперь терпи да Бога благодари». Она ответила: «Помню, батюшка». Тогда монах-докладчик спросил её: «Знаешь ли, кто с тобой говорил?» — «Знаю, это отец Иона». — «А ты поняла, что он тебе сказал?» — «Поняла, всё поняла, спаси Господи». И ушла совершенно успокоенной.

2. Один купец из Харькова по фамилии Попов сильно страдал геморроем. По совету знакомых он обратился к отцу Ионе, чтобы узнать, как ему избавиться от этого мучительного недуга. Старец стал говорить ему: «Кровь не должна идти вниз — туда ей течь не следует. Она должна идти по своему направлению», — и, водя пальцем кругом, он стал показывать, как должно совершаться правильное кровообращение. Эти движения руки старца были целительными для больного. Но, скрывая свою благодатную силу, старец посоветовал больному принять две ванны: одну из раствора полыни, а другую — из белоголовника. Больной сделал эти ванны и получил полное облегчение.

3. Многим бездетным старец предсказывал детей, читал над некоторыми молитву, а по большей части давал советы правильной супружеской жизни. Иногда заранее указывал число будущих детей и назначал им имена. Бывало так, что дети после благословения у отца Ионы рождались от родителей, бывших бездетными лет по двенадцать-пятнадцать.

4. Незадолго до кончины старца у него был один приезжий из Петербурга, служивший там в одном центральном ведомстве. Отец Иона предсказал ему: «Тебе через год Бог даст сына». Крайне озадаченный этим, гость воскликнул: «Да как же это возможно, когда я 23 года как женат, и женат уже на третьей, и все браки были бездетны». — «Это дело не твоё и не моё, — отвечал старец, — а Божие». Через год действительно у него, по предсказанию старца, родился сын.

5. Часто к отцу Ионе обращались женщины, у которых вследствие болезней приостанавливалось деторождение. Старец всегда спрашивал, делала ли женщина операцию (аборт), и если да, то уклонялся от советов. Если же операции не было, он давал совет, во-первых, известной супружеской воздержанности, а затем лечение ваннами из разных трав.

6. Старец Иона имел большое попечение о евреях, переходивших в Православие. Его заботила мысль, что эти люди окружены враждою своих ближних, которые от них отрекаются, и не находят поддержки у православных. Старец говорил даже с городским головою, что надо создать какое-нибудь учреждение, где бы новокрещёные находили себе занятие и средства к жизни. Старец подыскивал для них состоятельных и отзывчивых восприемников. Одного молодого еврея он устроил у своих знакомых на фабрике в Москве. Один из таких знакомых евреев, Владимир, занимался подрядами по выемке земли при постройке домов. Раз ему не повезло — лошади пали. Он решил поступить на городскую железную дорогу контролёром. На это требовалось пятьдесят рублей залога. Жена его пошла просить у старца. Старец вместо пятидесяти рублей дал им сто. Вместо того чтобы пойти контролёром на трамвай, он опять занялся прежними подрядами, и дело у него пошло хорошо.

7. Старец очень редко благословлял ехать в Иерусалим — конечно, из-за соблазнов, встречаемых там от смешения полов. Бывало, посмотрит вверх, подымет палец: «В Горний Иерусалим Бог благословит, а туда не благословляю».

8. Раз вошли к старцу три барыни и с ними одна монахиня. Барынь старец благословил крестом, а монахине сказал: «А ты беса оставь, живи с Богом». Она, по-видимому, нисколько не смутилась и спокойно

улыбалась. Все они вышли, и она на эти слова спокойно сказала: «Правда, что я бесу служила, верно старец сказал».

9. Один уроженец Петербурга отбывал воинскую повинность в городе Киеве и часто ходил к старцу Ионе. Он давно таил в себе желание поступить в монастырь. Окончив службу старшим унтер-офицером, он поехал в Петербург и там решил удалиться на Афон. По дороге в Одессу он заехал в Киев и зашёл к старцу за благословением: «Еду на Афон, благословите». — «Помолиться?» — «Нет, совсем, в монахи». — «Нет, нет тебе, Феодор, Божьего благословения в монахи — ни на Афон, ни в России. Поезжай домой и женись, живи честно, трезво, и спасёшься». Эти слова разрушили давнюю мечту, показались молодому человеку очень тяжёлыми. «Я никогда не думал жениться, — сказал он старцу, — с юных лет думал о монастыре». — «Нет тебе пути в монастырь». Два часа спорили они, и старец наконец сказал: «Вам не видать, а нам благодатию Божиею видать. Вот что было бы с тобою в монастыре: лет на пять хватило бы твоей ревности, а потом всё монастырское тебе опротивело бы, ты бы вышел из монастыря. Куда тогда идти? К родным идти стыдно, от работы отвык. Тогда что делать? Воровать, пьянствовать и прочее… Нет, поезжай, женись и живи благочестиво». Он сдался не сразу и всё-таки поехал в Одессу. Однако, проехав несколько станций, вернулся в Петербург, поборол свою мечту о монашестве, боясь того, о чём предсказал старец. Теперь он давно женат и очень благочестиво настроен. Ведёт торговлю и, если услышит от кого-нибудь из покупателей, что болен, даёт от святынь маслица, советует, как употреблять, и больные получают пользу. Так он служит Богу иным путём, чем думал.

10. Старец Иона при благословении давал богомольцам листики, всегда соответствовавшие их обстоятельствам. Если иногда и казалось, что листики не подходят к положению этих людей в то время, последующие события оправдывали прозорливость старца. Надо иметь в виду, что отец Иона на общем благословении ни с кем не говорил и обычным путём не мог ничего знать о людях, которых видел впервые. Как-то кучка богомольцев из Каневского уезда Киевской губернии, села Паток, обсуждала в Лавре между собою вопрос, что надо зайти к отцу Ионе на благословение и получить от него листики. Бывшие в этой компании два парня говорят: «На что нам его листики — прочтём их и бросим. А вот если бы он дал нам по рублю — это дело другое». Все они отправились в Троицкий монастырь и явились к старцу. Были у него и те два парня. Всем прочим отец Иона по обычаю своему дал по листику и по просфорке, а тем двум парням, ничего не говоря, подал по рублю.

11. Однажды к старцу пришли двое супругов из образованных. Они рассказали ему своё горе — у них не было детей. Отвечая им, старец стал говорить о неправильности в их прежней жизни и о том, как враг искушает людей. «Батюшка, — прервали они, — мы не верим, чтобы существовала нечистая сила». Старец настаивал, что нечистая сила имеет личное существование. Они же продолжали это отрицать. Тогда старец, стоя перед иконой, стал молиться, и вдруг те, сидевшие дотоле на стуле, кинулись к батюшке, стараясь укрыться за ним. Возле дверей они ясно увидели врага и стали просить у батюшки защиты. Батюшка помолился, и видение исчезло. Тогда старец спросил: «Ну что, есть он?»

12. Один богомолец рассказал следующую историю. Однажды они с кумом зашли в трактир. Дело было около полуночи, а кум был колдун и водился с нечистою силою. Зашёл разговор о нечистой силе. «Не верю, что они есть», — говорил один. — «Они существуют и исполняют для меня то, что я прошу, — говорил другой. — А если желаешь видеть, я тебе укажу их — только купи пол-литра». Они хорошенько выпили и пошли в полночь на погост. Пройдя через кладбище, кум свистнул три раза, а перед этим наказал куму: «Когда что увидишь, не крестись, потому что будет тебе горе». После третьего свистка, несмотря на тихую погоду, поднялся вихрь, и вокруг них стала кучка нечистых духов. «Что ты нас зовёшь?» — спросили они. — «А вот кум желает вас видеть». Они стали смотреть друг на друга — человек на духов, а духи на человека. Потом бесы скрылись в поднявшемся вихре. Возвратясь в село, приятели выпили ещё и пошли спать по своим хатам. И тот остался доволен, что видел никогда им не виданное, и рассказал об этом некоторым товарищам. «Нехорошо это, — сказали они ему, — пошёл бы ты спросить у отца Ионы, не будет ли в этом на тебе большого греха». Он пошёл на богомолье в Киев, рассказал всё отцу Ионе и спросил, не грешно ли то, что он при появлении злых духов не крестился. «Надо тебе принять наказание: в этой жизни или будущей — как хочешь? В полдень те самые духи будут ежедневно бить тебя в течение трёх лет по сто ударов. И будут исполнять своё дело, хотя бы вокруг были люди». Он заплакал и сказал: «Лучше уж принять наказание в этом веке». Когда он вернулся домой, к нему пришли соседи, друзья послушать и получить принесённые им подарочки. Как настал полдень, явились те духи, принесли с собой кузнечный мех с огнём, раскалили на нём проволочные пруты и, повалив его среди комнаты, били его. И никто не мог ему помочь, несмотря на все его крики; он лежал как каменная плита. Так продолжалось три года. В последний день на улице ему явился старик, похожий на преподобного Пахомия Великого, и сказал ему: «Иди со мною, тебя зовет Царица». Они пришли. Большой дом, ворота… Царица сказала ему несколько таинственных слов. Когда он вышел оттуда, старец привёл его к телеге, ждавшей на улице. И когда он хотел спросить старика, кто он, тот стал невидим. Больше этого дома, где они были, на том месте он не видел. Он был у отца Ионы, и тот сказал: «Теперь ты

свободен; хорошо, что пришёл».

13. Купец Иван Петрович Сазонов из Луганска сильно запивал. Жена уговорила его поехать к отцу Ионе. Отец Иона сказал ему: «Замени водку чаем. Как потянет на водку, так сразу пей чай». И до смерти он никогда не брал в рот ничего хмельного — всё это после заповеди старца представлялось ему отвратительным.

14. Заходили к отцу Ионе и припадочные, которые в Евангелии называются бесноватыми. Отец Иона вообще не позволял им говорить. Во время чтения заклинательных молитв, если дух начинал говорить, он запрещал ему именем Христовым. Бывало, что до прихода к старцу такие больные не чувствовали своей болезни, и только по приходе к отцу Ионе эта болезнь обнаруживалась.

15. Приблизительно в 1885 году к отцу Ионе родные привезли больного киевского гимназиста — мальчика лет пятнадцати-шестнадцати. Когда батюшка увидел его, сказал: «Поздно привезли». В тот же день, часов в десять вечера, он скончался в монастырской гостинице. Хоронили его на следующий день часа в три. Отец Иона сказал: «Я сам буду хоронить». Когда его несли из церкви к могиле, то по распоряжению отца Ионы на расстоянии пятидесяти саженей было отслужено пять литий. По большой лестнице спустились вниз к трапезе. Батюшка остановился перед дверями трапезы на повороте, облокотился на палку и плакал около часа, никому ничего не говоря. И всё погребальное шествие остановилось. Крупные слёзы обильно скатывались с лица его на землю. Одна из послушниц в это время видела стаю воронов, и между воронами старались проложить себе дорогу белые голуби, разбивая эту стаю. Из этой толпы вылетел крылатый мальчик, подлетел к батюшке, неся на руках младенца, шепнул ему что-то на ухо, батюшка тогда ободрился, повеселел, двинулся далее, и шествие за ним направилось к могиле. Перед опусканием в землю и наложением крышки было сделано возлияние елея на труп пятью крестами.

16. Вскоре после того, как старец был возведён в сан архимандрита, мантийный монах Макарий, старик уже лет семидесяти, во время всенощной стоял у иконы «Троеручица» и смотрел на то, что совершалось посреди храма, где стояли служащие и певчие, выйдя на «Хвалите». Когда пришло время чтения Евангелия и с батюшки сняли митру, он увидел, что лицо у отца Ионы стало как у малого ребёнка, и такое светлое, что нельзя было продолжать на него смотреть. Когда же, по прочтении Евангелия, надели митру, лицо стало обыкновенным. Наступило время прикладываться к иконе и мироваться. Тут одна странница, стоявшая сзади служащих, видела, что из алтаря в епитрахили и с поручами на руках вышла женщина. На ней было зелёное платье и голубой платок на голове, доходивший до ног. Женщина приложилась к иконе, помировалась Сама по-священнически и вошла в алтарь Царскими вратами. Она даже возмутилась, как это монахи пустили женщину в алтарь. Она рассказала о том, что видела, монастырским старцам, и только тогда поняла, Кто была эта Женщина.

Из рассказов отца Виктора, келейника старца Ионы:

17. Некто послушник Харитон собрал у набожных людей тысячу рублей денег и поехал на старый Афон проситься в русский Пантелеимонов монастырь. Его приняли, и Харитон в качестве вклада внёс свою тысячу. Архимандрит Макарий предложил ему испытать пустынную жизнь, но Харитон не выдержал её тягостей и простился с Афоном. Ему вернули его тысячу, и отец Макарий [7] сказал ему: «В России поезжай в Киев. Там в Троицком монастыре настоятель отец Иона, только к нему и поступай. А в виде знамения — он встретит тебя у врат своей обители и назовёт по имени». Так и случилось. Отец Иона принял Харитона и назначил ему послушание у ворот. Харитон был доволен своею жизнью и однажды заговорил с монахом Кассианом о своей горячей любви к старцу: «Когда отец Иона проходит по монастырю, я бы рад его на руки поднять и носить».

Как-то отец Иона, проходя по монастырю, заметил у ворот беспорядок. Он подозвал к себе Харитона, сделал ему строгое внушение и ударил по шее. Харитон был этим чрезвычайно озадачен. Куда девалась его любовь к старцу! Он решил, что больше не останется в обители, и поделился своим решением с Кассианом. «Скорее бы смерти своей поверил, чем тому, чтобы такой старец, святой человек, мог так оскорбить меня». — «Чудак, — ответил ему Кассиан, — разве он тебя бил? Он согнал с твоей шеи того, кого ты возил на себе всю свою жизнь, возил и на Афоне». — «Может, и правда», — ответил Харитон. Харитон успокоился, остался в монастыре, вскоре заболел и в больнице пред смертью был пострижен в мантию.

18. Кассиан рассказывал, что было с ним в бытность его экономом на монастырской Васильчиковой даче. Всякую субботу еженедельно приезжал он с дачи в монастырь за двенадцать вёрст. Раз приехал он с сильной зубной болью, долго ею мучился и в лекарствах не находил облегчения. Забрав провизию, он зашёл за благословением к отцу Ионе. Батюшка спросил его, всю ли провизию он получил. «Всю, да только келарь грибов не даёт». Батюшка ходил по келии и, смотря вниз, недовольно бормотал про себя: «Да, да, лето прошло, а вы не могли себе грибов набрать, хотя и живёте в лесу. Нехорошо, нехорошо». Тут он, внезапно

---

[7] Архимандрит Макарий (Сушкин) — первый после большого перерыва русский игумен монастыря святого великомученика Пантелеимона на Афоне.

остановившись против Кассиана, ударил его по щеке. При больных зубах боль от этого удара получилась страшная, и Кассиан выбежал в коридор. Но когда он опомнился, боли в зубах уже совсем не было. Он был совершенно здоров, и зубы у него до смерти не болели.

19. Ездил к старцу некий Константин Георгиевич Абаджи из города Аккермана — человек богатый, страдавший запоем. Старец ласково принимал его. Приказывал в гостинице, как только его потянет на вино, нести ему самовар и сам поил его чаем. Некоторые из старшей братии оскорблялись, что старец так его принимает и настолько к нему внимателен. Старец сказал: «Разве он мне нужен? Душа его мне нужна. Если бы он сюда не ездил, давно бы в могиле сгнил». Абаджи умер спокойно в покаянии.

20. Жила в Киеве мещанка Мария Котикова. Лет сорок она была в полном расслаблении. Плачущую её привезли к отцу Ионе. Старец посмотрел на неё и сказал: «Не плачь, раба Божия». Дал ей бутылку святой воды и просфоры и велел принимать то и другое в течение сорока дней, причём заповедал ей всю её жизнь не принимать никаких спиртных напитков. «Как в первый раз приняла я воду, — рассказывает она, — так будто что-то с меня и упало». Мария Котикова до сих пор совершенно здорова.

21. Года за три до кончины старца один из его келейников, Захария, утром четвёртого декабря, в день памяти великомученицы Варвары, стал просить у старца отпустить его к обедне в Михайловский монастырь. Там в этот день вокруг собора обносили мощи великомученицы Варвары. Старец сказал: «Зачем? Теперь там много людей». Он опять повторил просьбу: «Благословите». — «Как хочешь», — сказал старец и махнул рукой. Он поехал вместе с будущим настоятелем отцом Мелхиседеком, и тот взял его с собою в алтарь, но Захария вышел на середину храма и стал у раки мощей. Тут образовалась страшная толпа. Его сдавили так, что у него изо рта и носа хлынула кровь. Он вернулся в монастырь больным. С того дня он заболел, лёг в больницу и вскоре умер, постриженный с именем Зинон.

22. В монастыре совершалось бдение под праздник Входа Господня в Иерусалим. Служил отец Иона и с ним все иеромонахи, иеродиаконы и певчие. Во время чтения кафизм прибежал келейник иеромонаха Пимена, который умирал у себя в келии. Больной просил скорее прийти к нему с напутствием, так как чувствовал себя при последнем издыхании. «Передай ему, что мы все здесь предстоим пред Господом, совершая Ему славословие, пусть он за послушание подождёт умирать. А по окончании бдения мы к нему придём и напутствуем его». По окончании службы отец Иона со старшей братией тотчас отправились к отцу Пимену, совершили над ним таинство Елеосвящения, исповедали и приобщили, постригли его в схиму. И к утру Пимен, в схиме Антоний, мирно преставился.

Из рассказов иеромонаха Тарасия:

23. Отец Иона не допускал, чтобы в монастыре сажали какие-нибудь деревья, кроме плодовых. Деревья, не приносившие плодов, он вырубал собственноручно. Я жил в Тальянках «гуменным» — укладывал снопы хлеба в скирды, и батюшка Иона поручал мне обо всём писать ему, даже давал мне для этого конверты, бумагу и марки, но я не осмеливался это делать, хотя там начальники поступали по-своему, а не по приказу старца. Когда же мне от этого становилось слишком тяжело, я уходил в дальний уголок, плакал и взывал в уме к батюшке: «Посмотрел бы ты, что твои дети здесь делают». И говорю я это, будто стою наяву пред самим старцем. И что же? На следующий день батюшка совершенно неожиданно появляется у нас. В то самое время, когда я призывал его в Тальянках, в 300 верстах от Киева, он вдруг говорит келейникам: «Скорей, скорей лошадь мне, я в Тальянки еду!» И поехал, когда об этом в тот день и речи не было. Так было с ним трижды.

24. Пришёл как-то к старцу крестьянин и поведал следующее. У него был единственный сын, и пока этот сын был холост, он не мог на него нахвалиться: трезвый, трудолюбивый, почтительный и послушный. Потом же, когда женился, сделался пьяницей, да таким, что от него домашним житья не стало. Часто к старику приходили односельчане и говорили: «Пошлите вашего сына подобрать, на улице пьяный валяется». Когда же он отрезвится, то начинает в доме буянить; домашние бегут вон — он их выгоняет. Оставшись один, он начинает всё в доме крушить, бить посуду, рвать на себе рубаху и бегать по избе нагим. Раз из люльки выхватил своего же ребёнка и за руку выбросил его в разбитое окно. Старик его и учил, и крестьянскому сходу жаловался, но тот не унимался, продолжал пьянствовать, буянить и колотить жену, отца и мать.

Добрые люди посоветовали старику обратиться к отцу Ионе за советом. У старца после общего благословения всегда оставалось человек десять-пятнадцать на совет-беседу, проходившую наедине, с глазу на глаз. Тут старик и рассказал о своём сыне. Ответ старца был крайне резок: «Так тебе и надо, старая собака, так тебе и надо». Старик залился слезами: «За что ж это? Другие люди радуются на детей, а я только горюю, да ещё старец говорит, что так и надо». — «Так тебе и надо», — повторил старец. — «Да почему же?» — «А ты вспомни, когда ты его зачал, вспомни», — и старец стал прохаживаться по келье, всё повторяя: «Вспомни, вспомни». И три раза спрашивал: «Вспомнил ли? Подумай хорошенько». Но тот повторял, что не помнит. «Так я тебе скажу, — отвечал старец. — Люди шли в церковь пасхи святить, а ты с женой тогда сошёлся. Не было вам другого времени? Вот за это теперь и казнишься». Старик упал на колени: «Правда, батюшка». —

«То-то, то-то, старая собака». — «Что ж теперь делать, батюшка, как быть?» — «А ты приобщался?» — «Приобщался в Лавре». — «Так теперь чтоб ни ты, ни жена твоя, ни сын твой не приобщались в течение трёх лет. Говеть и исповедоваться надо, а к Тайнам не приступать, и тогда, соблюдая это, приходите ко мне». Старец назначил всем троим одинаковую епитимью и по выполнении её обещал через три года приобщить их у себя в монастыре.

Из рассказа монаха Ермогена:

25. Одно время отец Ермоген жил за воротами, в одной келии с другим монахом, отцом Адрианом. Раньше отец Адриан жил на монастырском хуторе — сторожил там лес и был не раз избит. По болезни его перевели в монастырь и поселили с отцом Ермогеном. Раз поутру отец Ермоген поднялся, пока больной ещё спал, прочёл утренние молитвы, потом принялся за Псалтирь, и тут нашло на него сокрушение о своих грехах. Заплакал он горько над жизнью своей. В это время проснулся отец Адриан и говорит ему: «Слушай, отец Ермоген, как молится о нас и жалеет нас Царица Небесная, просит прощения за дела наши. Видел я сейчас, что ты стоишь на молитве и весь чёрный-пречёрный, а наверху Спаситель и Матерь Божия. И Матерь Божия говорит Спасителю: «Сыне Божий, прости Ты его, слабенький он во всём и душою, и телом. Прости его». Раза три говорила Она: «Прости его». Тут сверкнула молния, и ты стал чистый — весь белый. Вот как Царица Небесная нас жалеет и о нас просит. То чёрный был, а теперь стал светлый. Ты это на всю жизнь запомни». Через месяц отец Адриан умер.

Из рассказа иеромонаха Варлаама:

26. 7 января 1902 года, за два дня до кончины старца, монах Варлаам, нёсший послушание в монастырском имении Тальянки, вместе с товарищем по послушанию отправился туда. Старец дал ему в благословение три просфоры, тогда как раньше давал не больше одной. Отец Варлаам потом употреблял эти просфоры при болезнях малыми крохами и по вере своей получал облегчение. Девятого января отец Варлаам привёз из имения на станцию Тальное хлеб для отправки в Киев, в монастырь. Тут подошёл к нему начальник почтовой конторы и, передавая ему телеграмму, спросил: «Знаете ли, отец Варлаам, что ваш настоятель скончался? Вот телеграмма». В первую минуту отец Варлаам принял эту весть спокойно, но когда он вернулся в имение и по старцу стали служить панихиду, он начал рыдать навзрыд и все последующие дни был в безысходной скорби и от утраты такого старца, и от того, что не будет при его погребении. Часть ночи с субботы на воскресенье отец Варлаам с прочей братией провёл в молитве в течение трёх часов, а потом лёг спать. И тут с необыкновенной ясностью ему представился отец Иона. Отец Варлаам видел себя в усадебном доме. Отец Иона живой вышел к нему и сказал: «Я не умер, но жив. Хотя я и отошёл от вас телом, но духом я с вами». Старец вышел в палисадник и благословил отца Варлаама. Целуя его руку, отец Варлаам ощутил в этой руке необыкновенную жизненность и мягкость. Тут собралась вся братия, жившая в усадьбе, и стала плакать, говоря: «Батюшка, Вы умерли?» А он в ответ произнёс те же слова. Отца Варлаама он поставил по правую сторону от себя и начал говорить братии: «Живите все в мире, согласии, целомудрии, любви, с усердием проходите послушание, не оставляйте назначенного правила, и все будете в Царствии Небесном». Потом старец пригласил отца Варлаама с двумя монахами поплыть на лодке на монастырскую мельницу. Проезжая пруд, отец Варлаам, правя лодкой, по неосторожности брызнул веслом старцу на его больную ногу, и старец просил грести осторожнее.

Тут сон прекратился. Отец Варлаам проснулся с такою радостью, какой не переживал за всю свою жизнь и какой не испытывал и тогда, когда старец был живым и ему приходилось долго беседовать с ним.

Из рассказов иеромонаха Аверкия:

27. Когда расширяли наш большой храм (это было в 1897 году), внутри него шла работа, а по другую сторону — служба. Я в это время нёс послушание пономаря. Был полиелей перед днём празднования иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» (на среду). Прошло несколько дней, и под первое воскресенье за всенощной отец Иона спрашивает меня в своей алтарной келье: «Не заметил ли ты, — когда на прошлую среду был полиелей на «Всех скорбящих», стояла ли особого вида монахиня?» — «Не знаю, батюшка, много монахинь было». — «Нет, нет, была монахиня, ты должен был её заметить, она была высокого роста». Тогда мне вспомнилось, что действительно, между колонн посреди церкви, неподалёку от «Троеручицы» стояла высокая монахиня, и я сказал об этом старцу. «Да, да, да! — радостно воскликнул он. — Это Царица Небесная посетила нашу обитель». И он сейчас же заплакал, а потом прибавил: «Владычица посещает нашу обитель в среду и субботу». Затем старец рассказал мне о другом посещении Богоматери: «Когда наша обитель только строилась, я жил внизу у малой церкви. Однажды рано я шёл к святым воротам, которые тогда находились тоже внизу. Навстречу мне шла Царица Небесная. Я упал, поклонился Ей в ноги, и Она спросила меня: «Как, старче, дела твои?» — «За Твои святые молитвы всё идёт хорошо». Мы пошли тогда к больничному помещению. Там жили два послушника, принятые мною в число братий. Владычица сказала: «Вышли их — они здесь неполезны»».

Из рассказов иеросхимонаха Димитрия:

28. Однажды из местности, откуда был родом рассказчик, в Киев собрались несколько паломников и

зазвали его с собой. Киев и Лавра не произвели на него глубокого впечатления. О монашестве он тогда и не думал. Придя в Троицкий монастырь (дело было до Отдания Пасхи), он был поражён пением Пасхального канона и всем, что видел здесь. Он сказал своему знакомому земляку, монастырскому благочинному, что желает остаться тут навсегда. Тот отговаривал его, ссылаясь на суровую жизнь, не привычную для него: «Здесь живут мужики, привыкшие к чёрному труду». Но он стоял на своём. Благочинный оставил его, назначил ему начальное послушание — записывать просфоры. Спустя некоторое время он в первый раз пошёл на богослужение к отцу Ионе и стал просить его благословения навсегда остаться в обители. Отец Иона сказал ему: «У тебя дома неурядицы, поезжай туда, всё устрой, и тогда можешь вернуться». С этими радостными мыслями он отправился в путь. Дома всё оказалось так, как предсказал отец Иона. Невестка нехорошо обращалась с матерью. Он постарался всё утихомирить, обязал брата покоить мать до смерти, причём для этого отказался от своей части наследства, а затем с миром вернулся в Киев.

29. По сообщению благодетельницы Ирины, они с мужем были бездетны. Поэтому просили у отца Ионы ещё молодыми поступить в монастырь. «Вам надо вскормить семью», — отвечал старец. «Какая может быть семья, — подумали они. — Пять лет мы женаты, а детей нет». Но по совету старца продолжали жить в миру. Тут у брата мужа умерла жена, оставив двух маленьких дочерей, и сам брат тоже вскоре заболел и умер. Девочки остались в бедности. Пришлось принять сирот, воспитать их и выдать замуж. В тот год, когда они собирались распрощаться с миром, должна была прекратиться аренда земли в количестве пятидесяти десятин, которую они держали, а товарищ, с которым они раньше арендовали землю сообща, держал в то время сто десятин. На слова, что он хочет кончить аренду, старец сказал будущему монаху: «Нет, не бросай пока на этот год землю, ещё её придержи», — и из той пшеницы, которую благословляют на всенощном бдении после литии, старец дал хозяину пригоршню, говоря: «Вот, посей». И со своих пятидесяти десятин в то лето он снял вдвое больше против того, что снял со ста десятин его товарищ. Выручив за урожай деньги, они вместе с женой оставили мир.

30. Пришёл в монастырь пьяница по имени Данила, хотевший покуситься на свою жизнь. Старец поручил мне хранить этого человека. Я взял его в мастерскую, положил ему четыре рубля в месяц. Через две недели он запьянствовал, пришёл в мастерскую, стал ругаться самыми непристойными словами. Я пошёл искать старца, чтоб просить уволить его. Старец в это время (было утро) зашёл в малую церковь и занимался умной молитвой. Я прождал полчаса. Наконец подошёл к нему и говорю: «Благословите меня, батюшка», — и рассказал ему, в чём было дело. А он говорит: «Видишь ли, за него, за его душу Господь пострадал на Кресте, а диавол запутал его. Мы, монахи, должны быть мудрыми и не допускать сатане ругаться над ним. Примите к сведению, что я рано или поздно должен отойти, а вы должны с меня брать пример. За таковых людей душа моя болит. Если отпустить его в мир, враг его окончательно сгубит. Я держу их по месяцу, по два, по полгода и по году, молюсь о них. Бывает, Господь слушает меня, и они помощью Божией исправляются. Иди же к отцу Евгению (благочинному), возьми полтора фунта сахара и четверть фунта чаю и дай ему. Скажи, что я прислал ему гостинца и что старец Иона просит, чтоб ты бросил эти глупости, а иначе диавол тебя сгубит». Благочинный даже расстроился и сказал: «На свою братию не хватает, а мы ещё будем пьяниц кормить». Я на это ответил: «Давайте мне — старец сказал». Я пошёл к Даниилу с чаем и сахаром и сказал: «Я был у старца, чтоб тебя выгнать, а старец вместо того, чтобы прогнать, прислал тебе гостинца и просил тебя бросить все свои глупости, а иначе диавол погубит тебя». И что же? Он залился слезами и воскликнул: «Кто же я такой, что старец мне гостинца прислал?» И две недели он плакал о своих плохих делах. Исправился и вышел из монастыря, привыкнув к трезвости.

31. В 1902 году послушница Ксения жила в монастырском имении Тальянки. По истечении трёх месяцев после смерти отца Ионы она сильно заболела зубами, так что не могла ни сидеть, ни лежать, а скорбела и плакала. Во время краткого сидячего сна она видит, что входит в помещение отец Иона с палкой в руках и спрашивает: «Чего ты плачешь?» — «Оттого я плачу, что у меня зубы болят». — «Ну, ничего!» Больная обращается к старцу и говорит: «Батюшка, благословите меня». Отец Иона благословил её, и когда она целовала его руку, то он крепко ударил по больному месту так, что больная проснулась. И отца Ионы не стало, и зубы перестали болеть. И вот уже прошло более восьми лет, а зубы ни разу не болели.

32. Послушница Иустиния Бондарцева при жизни старца была послана в Гусинское монастырское имение собирать по послушанию грибы в большом лесу. Под вечер она заблудилась, никак не могла найти дороги и, видя надвигающуюся темноту, решилась заночевать в лесу. Улёгшись под деревом, Иустиния уснула. Во время сна она слышит, как её кто-то зовёт: «Вставай», — и толкает палочкой. Пред ней стоит отец Иона в сером подряснике — постоял и исчез. И ей стало радостно и надёжно на сердце. Она как-то почуяла, куда ей нужно идти, — словно кто-то её направлял в темноте. Она быстро выбралась к хате, а там уже были зажжены огни.

33. Как-то после утрени в пасхальный день отец Иона зашёл в келию с одним монахом, и они разговорились о пасхальной службе, какая она торжественная. Монах и сказал, что теперь в Иерусалиме очень большое торжество: там получают Благодатный Огонь от Гроба Господня. Монах рассказал об Иоанне

Новгородском, что тот когда-то ездил в Иерусалим на враге. Отец Иона ответил, что Иоанн Новгородский был святой жизни, а мы люди грешные, но благодать Господня одна — что тогда, то и теперь. В этот момент заходит в келию студент и спрашивает, кто был этот человек святой жизни. Во время своего ответа студенту отец Иона перекрестил студента (а это был бес в образе студента), студент выскочил из келии вихрем и стал под окном бричкою с конём. Отец Иона, увидев это, сказал монаху, что извозчик есть, поехали. И так, в мантиях и клобуках, они вышли, уселись на эту подводу и быстро поехали. Приехали в Иерусалим. Здесь было начало службы. Они вошли в церковь и стали в притворе слушать службу. В это время кадил протодиакон. Он увидел этих двух монахов и по внешнему виду определил, что они из России. Протодиакон сказал патриарху, что в притворе стоят два русских монаха, и, когда закончилась служба, Патриарх дал им по просфоре. Отец Иона и другой монах после окончания службы быстро сели на того же извозчика и возвратились в свой монастырь. Когда они возвратились, то служба здесь уже кончалась, и отец Иона поднёс просфоры отцу настоятелю и рассказал, что эти просфоры из Иерусалима, что они ездили в Иерусалим и там слушали службу и что Патриарх дал им по просфоре на благословение. Настоятель сделал ему выговор за то, что он ездил в Иерусалим без благословения и назначил ему за это класть поклоны в трапезе всю Пасхальную седмицу. Отец Иона клал их и радовался, что настоятель дал такое наказание.

Из рассказов иеромонаха Илиодора:

34. Отец Иона скрывал свою прозорливость, и она обнаруживалась случайно через тех людей, у которых удивительно оправдывалась мудрость советов старца. Приехали однажды к старцу три купца из Москвы и стали просить у него благословения купить соседний дом стоимостью в тридцать или сорок тысяч. Старец принял их, выслушал и решительно сказал: «Я не благословляю вас покупать этот дом». Они три раза приступали к старцу с этим делом, и три раза он не давал им благословения. Они у многих испрашивали разъяснения, что за причина, по которой старец не благословляет их на эту покупку, когда им это дело очень удобно и дёшево, да и дом с ними по соседству. Все им отвечали: «Что старец говорит, тому и повинуйтесь». Купцы из-за этого задержались в монастыре с неделю, а в это время покупка должна была быть уже совершена. Поехали они домой в большом прискорбии. Приехав в Москву, подъезжают они к своему дому, смотрят — соседний дом, который они хотели купить, уже сгорел. В тот же день они написали отцу Ионе письмо с тёплой благодарностью, что он удержал их от разорительной покупки.

35. Одна женщина приехала к старцу из Петербурга. После смерти мужа она осталась с ребёнком одна. Из-за ребёнка она не могла найти должности — все стеснялись брать её в услужение, и она приехала к старцу за советом. Старец выслушал её и спросил: «Ты знаешь, там есть один колодец?» — «Знаю». — «Ну так ходи к этому колодцу». Такой весьма странный совет дал этой вдове отец Иона, и она вернулась в Петербург. Люди, с которыми она делилась своими сомнениями, говорили ей: «Как старец тебе советует, так и делай, а о прочем не заботься». И она начала ходить к тому колодцу. Пришла как-то к колодцу другая женщина, и вдова познакомилась с нею. Та пригласила её к себе в дом. С этого времени между ними началось близкое знакомство. Вдруг эта женщина заболела. Вдова начала за нею усердно ухаживать. Поболела та с неделю и умерла. Муж покойницы, видя, что эта вдова женщина хорошего характера, трудолюбивая и сердобольная, женился на ней. Вот почему старец Иона посылал её в Киеве к петербургскому колодцу.

36. Приехал однажды в монастырь с Дальнего Востока матрос, больной беснованием. Старцу стало его очень жалко, и решил он помолиться о нём. Для молитвы он затворился у себя в келии на два часа, а на больного в это время приказал надеть смирительную рубашку, потому что у него были ужасные припадки, и во время молитвы старца он претерпевал от злой силы страшное страдание. Когда же по окончании молитвы старец вышел, бес был изгнан. Отец Иона велел исцелённому в прочее время жизни быть чрезвычайно осторожным. Затем дал ему благословение и отпустил с миром.

Из рассказов иеромонаха Мелетия:

37. По своей обязанности сторожа я наблюдал, чтобы к батюшке приходили исповедоваться только такие люди, которым он сам назначил. В монастыре долгое время нёс епитимью священник Феодор. Раз во время Филиппова поста отец Иона, выходя от исповеди, говорит: «Ступай ты к отцу Феодору, скажи ему, чтоб он рыбы себе не жарил — теперь пост». Я пошёл к отцу Феодору. Прихожу к нему, вижу: он целую селёдку нанизал на деревянную длинную спичку и жарит. Я стал говорить: «Батюшка прислал меня сказать, чтобы Вы рыбы не жарили, потому что теперь пост — грешно». — «О Господи, — воскликнул отец Феодор, — почём он знал? Ведь меня никто не видел — я только что положил рыбу в печку. Нигде не укроешься от этого человека!»

38. Жил на станции Славянск Феодор Осипович Сергеенко. Приехав в Киев с женой, тёщей и двумя сыновьями, он разыскал меня, отговел, исповедовался у батюшки и собрался в обратный путь. Придя к отцу Ионе, он сказал, что послезавтра должен ехать. «Нет, ещё день останьтесь». — «Да не могу я, батюшка, меня со службы уволят». — «И не уволят, и для вас лучше будет. Не ездите завтра, поедете послезавтра». — «Да не могу я, батюшка, остаться». — «Не благословляю ехать, не благословляю». Он пришёл ко мне и говорит: «Ну что мне тут делать? Не хочется лишиться места, и против старца не хочется идти». — «Уж если вы

доверились старцу, — отвечаю ему, — так делайте, что он скажет, не без оснований же он говорит». Так он прожил в монастыре лишний день и поехал, а через две недели прислал мне письмо, в котором не находил слов выразить своей признательности старцу. Тот поезд, на котором он должен был ехать, не вернулся в срок, потерпел крушение, и было много убитых. Затем он вскоре прислал мне ещё письмо. Он не только не потерпел по службе, но в его хозяйстве за два месяца получился такой доход, какой он раньше получал за целый год.

39. Был в Одессе купец Иванов. В это время Иванов ослеп так, что не только не мог читать, но и пройти не мог без посторонней помощи. Он был у разных профессоров, и всюду получал ответ, что зрение вернуть нельзя. Он наметил себе побывать ещё у двух профессоров в Киеве и Москве, и если и они скажут то же, что и прочие, то уже не искать более помощи. Между тем одна старушка, бывшая у отца Ионы, стала уговаривать его посетить в Киеве отца Иону и уверяла, что он возвратит ему зрение надёжнее, чем доктора. Он посмеялся над ней — безумная старуха, мол, когда профессора отказываются, что может сделать неучёный старый монах?! В Киеве побывал он у профессора, услыхал о своём положении тот же приговор и взял извозчика на вокзал, чтобы ехать в Москву. Но тут вспомнил, что старуха говорила ему о старцеа Ионе, и велел извозчику повернуть в Троицкий монастырь, говоря себе: истрачу лишнюю пятёрку и лишний день, а узнаю, что скажет старик. Он пробыл в монастыре две недели, и отец Иона давал ему святую воду и святое масло. Воду он принимал по ложечке натощак, а маслом мазал глаза. Отправляя его домой, старец благословил его и сказал: «Бог даст — пройдёт. К докторам более не обращайся». Через неделю он прислал письмо и ящик лимонов и сообщил, что у него слепоты как не бывало и что видит он хорошо. С тех пор он стал совершенно здоровым, ездил к отцу Ионе и при жизни, и к могиле его ежегодно. И доныне он прекрасно видит и занимается своим делом.

40. Был в обители послушник из казачьих полковников, Александр Иванович Ожинов. Жил он внизу около трапезы. Раз батюшка шёл к нижнему колодцу и зашёл в трапезу. В это время Ожинов принёс сюда из своей келии старый хлеб. Хлеб, который оставался у братии, резался, сушился и раздавался богомольцам. Полковник же по лености довёл до того, что его хлеб заплесневел и был негоден к употреблению. Увидев полковника с хлебом, батюшка вдруг напал на колодезного послушника, тоже носившего имя Александр. Ударив его палкой, старец произнёс: «Не доводи хлеба до плесени; сколько тебе нужно, съешь, а до плесени не доводи». Послушник же, не оправдываясь в том, что не делал этого, всё приговаривал: «Простите, батюшка, никогда не буду». Между тем слова и наказания старца относились к полковнику. Через некоторое время он пришёл к послушнику и, кланяясь ему в ноги, просил у него прощения, а сам потом признавался, что если бы старец не то чтобы наказал его, а сделал суровый выговор, он немедленно ушёл бы из монастыря. Мирянам трудно понять мудрость поступка старца. Он, не озлобляя старого человека, довёл его до стыда и сознания своей вины и раскаяния, а терпеливому послушнику дал венец за его кротость, крепость и готовность нести наказание, когда не было его вины.

41. Одним из преданнейших отцу Ионе людей был Сергей Васильевич Керский, управляющий канцелярией Святейшего Синода. Обыкновенно он проводил в монастыре и на монастырских дачах три летних месяца. Однажды, живя в монастырском имении Гусинцах, он разговаривал с отцом Мелетием о старце: «Никого в жизни, — сказал он, — я так не боялся и не боюсь, как отца Ионы, потому что он видит всё: не только то, что я делаю, но и что я думаю». И он рассказал о своём первом знакомстве со старцем. Однажды в Святейший Синод был послан донос о неблаговидном поведении одного архиерея, и для расследования был послан Керский. Опрашивать ему пришлось тех же лиц, от которых исходил донос. Донос состоял в том, что архиерей находится в связи с одной девушкой и имеет от неё ребёнка. По-видимому, всё подтвердилось, и по возвращении Керского в Петербург Синод определил уволить архиерея на покой. Архиерей — человек ещё молодой (ему не было и сорока лет) — сидел в кресле, когда получил телеграмму об увольнении. От сильного потрясения он тут же внезапно скончался. На Керского известие о смерти архиерея произвело ошеломляющее впечатление; ему казалось, что покойник стоит перед ним не отходя. Он не находил себе покоя и ночью. Та же тень стояла перед ним у кровати. Не будучи в состоянии выносить такого положения, Керский решил обратиться к опытному духовному врачу. Он слыхал, что киевский старец Иона даёт замечательные советы, и через сутки уже ехал в Киев. Когда он вошёл к отцу Ионе, старец встретил его словами: «Почему Вы не заехали ко мне, когда ехали на дознание об епископе?» Так как Керский никому не рассказывал о своём деле, эти слова старца чрезвычайно поразили его, и от волнения, расстроенный нравственным страданием и бессонницей, он лишился чувств и упал.

В течение нескольких дней он беседовал со старцем Ионой, и старец посоветовал ему ехать в тот город и произвести более тщательное и беспристрастное дознание. Что же выяснилось? Архиерей этот был человек очень религиозный и хорошей, чистой жизни. Он имел обычай принимать на благословение всех, кто бы ни обращался к нему, и делиться с бедными всем, что имел. В этом городе дочь одного богатого человека была соблазнена молодым человеком, который потом её бросил, а она должна была стать матерью. Родители узнали об этом, отреклись от неё и выгнали из дома. Она решила утопиться и под полночь отправилась к

реке. Проходя мимо архиерейского дома, она сказала себе: «Зайду-ка, в последний раз приму благословение». Архиерей принял её, выслушал её грустное признание, успокоил и велел устроить её до утра в доме. Утром он позвал известную ему старушку, поручил ей несчастную девушку и обещал платить за содержание её и будущего ребёнка. Та благополучно родила. Когда ребёнку минул год, архиерей захотел видеть его, и молодая мать со старухой принесли младенца. Архиерей поглядел на него, благословил и взял на руки. А злые люди из этой ласки к младенцу, которого он спас от смерти вместе с его матерью, вывели заключение, что это его сын, и клевета пошла расти, пока не задушила этого великого милостивца.

Из рассказов вкладчика Руденко:

42. Впервые услыхал я об отце Ионе от богомольцев в Лавре. Пришёл я в Киев пешком. Направили меня в Выдубицкий монастырь. В Выдубицком монастыре я не нашёл ничего из того, что мне рассказывали об отце Ионе. Переночевал я в Выдубицком и на следующее утро ушёл обратно в Лавру. Через два года повстречался я со странником. Он рассказал мне, что по благословению киевского старца Ионы идёт в Саров. Я накинулся на него с расспросами об отце Ионе, говорил, что не нашёл в Выдубицком монастыре ни его, ни его духа и вернулся обратно, не повидав старца. Тогда странник сказал мне: «Да отца Ионы в Выдубицком монастыре нет, а что ты его не нашёл — так это выдубицкие монахи скрывают. Ты выйди из Выдубицких ворот — вверх вьётся дорожка. Ступай по ней вдоль изгороди из бочечных досочек. Дойдёшь до калиточки, над которой висит маленькая иконка, — тут и входи, это и будет монастырь отца Ионы». Придя в Киев и побывав в Лавре, я на другой же день отправился к отцу Ионе. Дело было к вечерне. Я нашёл всё, как описывал странник. Когда вошёл в калитку, послушник звонил в небольшой колокольчик. Началась вечерня, и мимо меня в церковь по лестнице вниз из своей келии прошёл монах. Не знаю почему, но когда я смотрел на него, сердце моё затрепетало, и всего меня обдало жаром. Тут я переночевал, а на следующий день пошёл к отцу Ионе на благословение. Передо мной у него были две монахини, которых он на моих глазах грозно выгнал. Я в страхе подумал: «Он и меня так погонит», — но он принял меня ласково, взял мою голову в обе руки и велел пожить у него. И прожил я у отца Ионы две недели; тут у него и говел. Исповедь была замечательная, отец Иона напомнил все мои грехи. Иногда произнесёт грех, а я стану отрицать, что в этом грешен не был, а он скажет: «Нет, ты подумай», — и действительно, вдруг вспомнишь из своего прошлого, что был такой грех, да забылся. Приезжал я к отцу Ионе через каждые два года, и на исповеди отец Иона напоминал мне (не вспоминая уже прежних грехов моей молодости) о тех грехах, которые я делал за эти два года.

43. Началась у нас (это относится, кажется, к 1892 году) холера, которая сильно косила народ. В соседнем селении хоронили человек по 8-15 в день. Мы написали о холере отцу Ионе. Он прислал нам большую жестянку воды, освящённого масла и церковного вина. Водою велел окропить весь наш хутор, а масло и вино велел употреблять, если кто заболеет: помазывать больного маслом и давать выпить вина. И с тех пор на нашем хуторе не было ни одного холерного случая, хотя мы по случаю молотьбы брали рабочих из холерных местностей. Бывало, что рабочие приходят и рассказывают, сколько у них умерло народу, а у нас, по молитвам отца Ионы, всё осталось благополучно.

44. В последний раз отца Иону я видел за два месяца до его смерти. Когда он узнал о моём приезде, велел позвать иеромонаха Мелхиседека, управлявшего тогда монастырём, и сказал ему: «Вот Алексей должен кончить свою жизнь в обители, так вот смотри, чтоб ты об этом знал и чтоб не обижал его. Я, быть может, помру, а вы его не обижайте». Лет через пять после смерти батюшки я приехал в монастырь, страшно страдая геморроем. Месяца три промучился я дома и больной приехал в обитель. В монастыре мне дали лошадь и фельдшера и повезли в клинику. Там меня осмотрели и признали, что необходима операция, но я на операцию не согласился, вернулся в монастырь, а затем ездил к одному профессору. Он сказал мне то же самое, а я решил: лучше умру, а операцию себе не позволю. Был я и у четвёртого доктора, который давал мне некоторые вспомогательные средства, и я пользовался ими около месяца без всякой пользы. В таком положении я дошёл до великой скорби и был в полном отчаянии. Ночью стал раздумывать о том, сколько раз при жизни батюшка утешал меня, может, и теперь мне поможет. Отслужу-ка я панихиду по нему и акафист Божией Матери, а если не поможет, то предамся на волю Божию, но операцию делать не буду и лекарства наутро брошу в келье, где скончался старец. Я отслужил панихиду по нём и акафист Божией Матери, и тут сразу полегчало у меня на душе, пропала моя тоска, стало мне как-то радостно, затихла и болезнь. Без всяких средств боли стали проходить, и вскоре я совсем избавился от мучительного недуга, и он больше не возвращался. Через год после этого я опять был на богомолье в монастыре и решил исполнить совет отца Ионы поселиться в монастыре. Для построения дома мне внутри ограды было отведено место, и весной дом был готов. И вот по благословению и предсказанию отца Ионы я мирно доживаю в его обители свой век.

Из рассказов иеромонаха Анастасия:

45. Как-то, посылая меня на послушание, отец Иона сказал: «Уезжайте на послушание, проходите послушание Господа ради, чистосердечно, со страхом Божиим, и Божия Матерь Вас за то не оставит и в будущем веке. У Отца нашего Небесного обителей много, и мы должны водвориться в этих обителях». При

этом присутствовал один иеромонах, Нафанаил, который потом умер в схиме с именем Агапит. Он сказал мне: «А я эти обители видел», — и поведал мне такое видение. Здоровья он был слабого, а послушание нёс на кухне: в жаре и чаде. Однажды летом, когда и без того было душно, его как-то особенно потянуло в Гусинцы. Он сказал себе: «Поеду туда, попитаюсь с неделю свежим воздухом», — и пошёл спросить на это позволения старца. Отец Иона ласково принял его и сказал: «Ну, что же, заготовь две смены белья, а завтра рано утром приходи ко мне за деньгами на проезд». Приняв благословение старца, отец Нафанаил радостно пошёл к себе в келию и уснул. И видит он в сонном видении, что вышел он за ворота, а перед ним лес, и по лесу лужайки. Дорога привела его к каким-то воротам. У врат стоят два вратаря-монаха. Они спросили пришельца: «Куда ты идёшь?» — «Можно зайти?» — «Можно, — ответили они, — только не ходи далеко». Один из вратарей пошёл за ним, а другой остался у ворот. За вратами он увидел много прекрасных церквей и спросил сопровождавшего вратаря: «Что это за церкви?» — «Это, — был ответ, — обители тех, кто жил на земле благочестиво и ныне ликует на небе». Между другими храмами стоял прекрасный пятиглавый храм, и отец Нафанаил спросил: «Чей это храм?» — «Это строится храм для отца Ионы». — «Можно ли мне войти в него?» — «Нет, теперь нельзя, но придёт время, и вы все в нём будете жить». Затем, подивившись красоте этой обители, отец Нафанаил пошёл в радостных чувствах назад и тут проснулся.

Сновидение дало ему необыкновенную отраду. Теперь он был готов терпеливо переносить ещё более трудные послушания. Его уже не тянуло из монастыря в Гусинцы. В этих чувствах он пошёл к старцу, потому что уже было утро. У старца читали утренние молитвы. По окончании их тот вышел к отцу Нафанаилу и прямо спросил его, глядя ему в глаза: «Ну что, всё видел?» Отец Нафанаил понял, что старец спрашивает его о ночном видении, точно он сам был там с ним. «Спаси Господи, батюшка, всё видел». — «Ну, как же желание твоё, поедешь в Гусинцы?» — «Нет, теперь не поеду. Видение облегчило меня, я как бы обновился — вся скорбь моя рассеялась». — «Так оставайся тут и мирно проходи своё послушание».

Из рассказов иеромонаха Рафаила:

46. Под второе июля 1880 года батюшка разговаривал с отцом Феодосием и в разговоре сказал: «Вот посмотрите, что будет через пять-десять лет — все оставят закон Божий и отпадут от веры, а потом через несколько годов опять станут приходить в чувство, обратятся и будут жить по-христиански».

47. **Послушница Мария Енакиева** передаёт следующее об исцелении старцем своего доныне здравствующего родственника Ивана Димитриевича Полозова, живущего в городе Луганске и имеющего там мануфактурную торговлю. Лет двадцать тому назад (ему тогда было тридцать лет) он страдал ревматизмом в ногах так, что ходил на костылях, и доктора не могли ему помочь. Когда он приехал к батюшке (он у него бывал и раньше), то еле дошёл до монастыря. Батюшка дал ему святого масла от иконы «Троеручицы» и просфор и оставил пожить недели две в монастыре. Он растирал себе ноги маслом и совершенно выздоровел. Года через три после этого он приехал к батюшке, прося благословения на послушание в монастыре. Батюшка ответил: «Поезжай домой и посмотри, что будет с тобой через год, и тогда приедешь ко мне». А через год с ним произошла большая перемена — он захотел жениться. Когда он рассказал об этом старцу отцу Ионе, то тот из двух невест, между которыми он колебался, указал ему на бедную сироту и предсказал, что у них будет семеро детей. Он очень хорошо жил с женой, и было у них семеро детей. Жена умерла в прошлом году. При жизни старца и по его благословению родственник купил дом и жил в нём. Через четыре года по кончине старца ему захотелось купить второй дом, но он очень волновался, что ему не у кого взять благословение, но всё-таки купил. Перед переездом в дом после ремонта он сидел раз в зале, думая, как жаль, что дело это не благословлено старцем, как вдруг видит, что воочию и наяву идёт к нему старец и говорит: «Нет тебе благословения жить в этом доме». Старец сейчас же скрылся, а он был в ужасе. На другой же день началась в городе забастовка, и ему перебили все окна. Он продал дом и тогда успокоился.

Монах Тихон передаёт:

48. Когда мне исполнилось пятьдесят лет от роду, у меня разболелись глаза. Я показывался нашему фельдшеру. Потом пошёл к батюшке просить благословения сходить к глазному доктору. Батюшка взглянул на меня и сказал: «Вам не следует идти к глазному доктору, вы прожили только половину своего века». И старец назначил мне умываться комнатной водой, класть на глаза компрессы из комнатной воды. С ними я засыпал, а просыпаясь, опять смачивал их водой, и так с ними опять засыпал. Эти компрессы я клал только три дня. Потом прихожу к батюшке и объясняю, что мои глаза совершенно здоровы. Батюшка ответил: «Вот хорошо, что не пошёл к доктору, а то пошёл бы к доктору, мог бы себе ещё испортить глаза». И стали мои глаза такими, какими были в молодые лета, когда я по торговой части служил в Харькове. И доселе я могу нитку в тонкую иглу продевать и не знаю очков. А когда фельдшер, которому я раньше показывал свои глаза, увидел меня, то сказал: «Тогда я не хотел тебя расстраивать, но твои глаза были в отчаянном положении. Ты должен был лишиться зрения».

49. **Из воспоминаний монахини Миропии, относящихся к последним дням жизни старца:**

Последний раз я была у старца на благословении за три дня до его блаженной кончины. В это время старец находился в весьма болезненном состоянии, так что и встать не мог. Я и прочие со мною богомольцы

приложились ко кресту, Евангелию и поклонились болящему старцу, а он только посмотрел на нас. Глаза его были полны слёз. Этот умилительный вид очень поразил нас, и мы заключили, что последний раз видим старца в живых. Выйдя, мы навзрыд заплакали. Мне казалось, что лучше самой умереть, чем лишиться такого старца-утешителя.

Под девятое января 1902 года после монастырского церковного правила я сидела в коридоре гостиницы на скамеечке близ иконы Божией Матери «Троеручица» и сильно скорбела, что лишаюсь своего старца, и в это время задремала. И тут вижу, что отворяется дверь коридора, выходит отец Иона и читает по-монастырски молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», — и, обращаясь ко мне, говорит: «Говори «аминь»». Я сказала: «Аминь». А он спрашивает меня: «Больная ты? Умираешь?» Я ответила: «Умираю, батюшка, от скорби». Он опять говорит: «Читай «Верую»». Я прочитала «Верую», а старец всё слушал. Когда я окончила, он сказал: «Аминь, аминь, аминь». А затем говорит: «Расскажи всем знающим тебя и знакомым, что когда кто из них будет унывать, пусть читает «Верую», то есть Символ веры, до конца». Затем велел мне перекреститься, что я и сделала, и пошёл от меня. Я слышала сквозь сон, как он шёл по коридору, и тут же ударили на полунощницу. Я проснулась, оделась и пошла в церковь.

В двенадцать часов ночи с восьмого на девятое января 1902 года служащий иеромонах начал говорить ектению и поминать строителя обители архимандрита Иону. В это время он никак не мог помянуть его о здравии, а почему-то запинался, и в это же время, как оказалось, отошёл ко Господу блаженный старец. Скорби и рыданиям не было конца. Все плакали, так как лишились наставника ко спасению, утешителя в скорбях и исцелителя в болезнях.

50. **Из воспоминаний Кондрата Самойлова, 27 сентября 1927 года:**

Батюшка Иона и сейчас жив, в чём я лично удостоверился в 1926 году. Тяжёлыми и непосильными работами ещё в 1894 году я повредил себе живот, вследствие чего травмы чувствовал в животе сильные боли, не поддававшиеся никаким лечениям. Видя безуспешность медицины, я поехал в Киев, где, как мне передавали мои киевские соседи, в основанном им же Свято-Троицком монастыре проживал старец-прозорливец отец Иона.

Отец Иона выслушал меня и посоветовал носить бандаж, что я и исполнил. И тут же боль прекратилась. При этом я заметил, что боль прекратилась не столько от бандажа, сколько от молитвенной помощи самого отца Ионы, потому что по приезде домой я почувствовал, что бандаж мне не нужен, и я его бросил.

Прошло тридцать лет моего доброго здравия. За это время я ещё раз приезжал в Киев с посещением Свято-Троицкого монастыря. В 1923 году я помолился и поблагодарил Господа Бога за своё здравие. Тогда же я дал Богу обещание посетить и помолиться в этой обители и в следующем, 1924 году, в третий уже раз в своей жизни. Но год прошёл, а своего обещания я не исполнил, за что снова заболел той же болезнью, какой болел тридцать лет назад.

Время проходило, болезнь усиливалась до крайности, а доктора не помогали. Тогда вспомнил я, что самый лучший доктор — это отец Иона. Семнадцатого апреля 1926 года я, так как сам не мог идти, письменно попросил отца протоиерея Михаила Богословского отслужить по отцу Ионе панихиду. В тот же день отец Михаил, отслужив панихиду, посетил меня сам, утешал, говоря, что молитва по моей просьбе совершена, и Господь Бог по молитвам отца Ионы исцелит меня. На другой день на рассвете восемнадцатого апреля в лёгком сне вижу я спешно проходящего мимо меня отца Иону, а по сторонам его двух послушников. Послушники были как слабые тени. Проходя мимо меня, отец Иона остановился, взглянул на меня, слегка улыбнулся и, взяв меня своей правой рукой за пальцы моей правой руки, сказал: «Будь здоров». Сказав это, он пошёл дальше.

Я открыл глаза, но уже никого не было видно. И с того же дня и часа мне стало легче. Теперь я совершенно здоров. И вот только теперь я в третий уже раз прибыл в Киев поблагодарить Господа Бога и благодетеля своего батюшку архимандрита Иону, в схиме Петра, за чудные исцеления меня, грешного, от невыносимых страданий.

51. **Из журнала «Русский паломник», №35 за 1892 год:**

Вот что пишет магометанин Меджид Хаджибиев в газете «Свет». «Вблизи города Екатеринодара Кубанской области расположен черкесский аул Тохтомукай с населением не более двух тысяч душ. Население названого аула подвергалось опустошительному действию холерной эпидемии. Умирали каждодневно около 20–25 человек. Паника была страшная, исхода никакого, ибо врачебная помощь отсутствовала, да и жители аула её не принимали. В таком положении дело не предвещало ничего хорошего.

Я, житель этого аула — магометанин, — слыша от некоторых своих знакомых русских о святости и силе молитвы архимандрита Киевского Свято-Троицкого монастыря отца Ионы и видя здесь же, в городе Екатеринодаре, примеры исцеления по молитве отца Ионы, 29 июля по телеграфу обратился в Киев, прося святых молитв отца архимандрита Ионы. По телеграфу же последовал крайне милостивый и утешительный ответ о том, что моя просьба принята, что святые молитвы отцом Ионой перед престолом Божиим о спасении

аула возносятся, и Господь Бог услышал их. Затем в телеграмме преподаётся благословение.

Послав телеграмму, я строго следил за происходящим в ауле, ежедневно получая оттуда сведения, и положительно удостоверяю, что со дня посылки этой телеграммы болезненность и смертность заметно уменьшились и продолжают уменьшаться. С августа новых заболеваний в ауле не было, равно как не было ни одной смерти, а оставшиеся больные выздоравливают. Вот факт благодати Божией по молитве иноземного и иноверного нам, магометанам, русского священнослужителя, совершившийся с моими соплеменниками».

Из беседы отца Ионы с братией обители (1879 год)

«Слава Богу, ныне благодатью Божьею, помощью Всесвятой Владычицы нашей Госпожи Богородицы и молитвами всех святых мы сподобились и удостоились совершить первую седмицу Великого поста. Слава Богу, помолимся Господу Богу, да сподобит нас, укрепит и поможет нам, отцы и братия, беспорочно, богоугодно и с пользой для наших душ пройти и весь остальной священный путь святого поста. Ныне же хочу вам напомнить отчасти о начатках нашего делания.

Все мы собраны здесь Божественным благоволением и таинственным гласом и вдохновением Всесвятого Духа, действующего в нас и согревающего наши сердца, души и помышления духовным пламенем Божественной любви. Будучи объятыми ею, мы презрели, отвергли от себя всю красоту, сладость, честь и славу этого мира как мерзость, тленность и непотребство, — и не только это, но и самих близких нашему сердцу людей: родителей, братьев, сестёр и любимых друзей. Также оставили свои дома и весь свой род по плоти. Мы сделали всё это ради возлюбившего нас Господа, искупившего нас от клятвы законной. И единственно ради любви к Нему, Всесладчайшему, Вселюбезнейшему, нескверному Агнцу и Жениху, бессмертному Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, совершенно предались Ему, соизволили идти Ему во след и, если возможно, то и умереть ради Него.

И ни о чём другом нисколько не рассуждали: долго ли будем терпеть ради Него или мало, горько ли будем жить или сладко, но только одно имели в своём уме: жить ради Него, трудиться, хранить себя, а также со сладостью и радостью терпеть всё находящее на нас. И всё только для того, чтобы послужить и благоугодить Ему, а также неразлучно пребывать с Ним в нескончаемые веки. Твёрдо и совершенно имели мы это в памяти сердца нашего. И все священные законы, правила, предания, завещания Священного Евангелия, святых апостолов и святых отцов мы имели сладкой пищей, питьём и самой жизнью. От них наша душа и сердце наполнялись радостью и веселием, и тогда всё, бывшее до этого тяжким, становилось лёгким… Всё это каждый из нас хорошо знает.

Ныне же, возлюбленные о Господе отцы и братья, призванные в это святое место Самим Господом и оставшиеся здесь единственно ради любви ко Господу Богу нашему, впадём ли в нерадение, расслабим ли себя и разленимся ли? Нет, возлюбленные о Господе, станем крепче, мужественнее и будем со сладостью терпеть ради Господа козни и сети злоковарного диавола, старающегося помешать нам шествовать спасительным и благоприятным Господу путём… Отвергнем козни, сети, коварство и всю лесть сатаны, не устрашимся его и не смутимся от его ухищрений. Если Господь с нами — кто на нас? Послужим Богу, братия и отцы, да будем чистым орудием Божественных дел и Его священной воли. Да славится Господь Бог Вседержитель в нашем чистом и богоугодном житии, в наших делах, словах и помышлениях. Да служит каждый из нас ближнему своему благою совестью, нравом и делами. Советуйте и укрепляйте один другого в благом жительстве и богоугодных делах, да не ослабеет и не оскудеет кто, изнемогая в трудах, подвигах и самой любви к Богу.

И если преуспеваем во благом жительстве и делах — да не высокомудрствует никто, ибо говорит Спаситель: *Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное* (Мф. 5, 20). Вся праведность наша — как запачканная одежда (Ис. 64:6).

Поэтому мы всегда должны во всем смиряться, и искать молитв и помощи от других, а не на себя надеяться. Божественный же апостол говорит: *Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22).

Возлюбленные о Господе! Служение наше да будет чисто и беспорочно пред Господом, и да истинно послужим Богу нашему, возлюбившему нас, в ближнем нашем, каждый щадя и храня один другого. Если возможно, послужим всем людям, принимая всякого и прилежно служа брат брату, ради Божественной любви, умывая его, врачуя, возливая на него масло и вино и исцеляя все его язвы. Не будем гнушаться его сквернами ради пострадавшего за него и искупившего его Своей священной Кровью Господа Иисуса Христа.

Да не уподобимся, братья и отцы, тем, которые прошли мимо уязвлённого: священнику и левиту, — но уподобимся тому самарянину и позаботимся об уязвлённом, послужим ему, врачуя и исцеляя его язвы — будь они даже смертоносными. Послужим, братья, послужим, любимцы мои о Господе, да прославим в делах наших Господа Бога Вседержителя, да послужим Богу в человеках и этим выскажем свою благодарность Ему. И если будем так поступать — Всеблагой Бог благоизволит влить в наши сосуды благодать Всесвятого

Духа…

Станем мужественно, станем с благоговением и непрестанным памятованием о Боге против всех козней дьявольских, плотских и душевных страстей, суетных и ложных помыслов, приносимых нам от диавола. Будем уповать на Господа Бога нашего, и так пребудем с Богом нашим во веки всенеразлучно. Аминь».

Дивен Бог во святых своих! Емуже честь, слава, и поклонение во Святей и Единосущней Троице всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Copyright © 2019
StrelBooks – Strlebytskyy Multimedia Publishing, Ltd
www.strelbooks.com

ANDRONUM ®
https://andronum.com/

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted, in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic or mechanical methods, without prior written permission of the publisher, except in the case of brief quotations embodied in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law.

For information about permission to reproduce selections from this book, wright to
vl@strelbooks.com
or publishing@andronum.com.ua

Copyright © 2019
StrelBooks – Strlebytskyy Multimedia Publishing, Ltd
www.strelbooks.com

ANDRONUM ®
https://andronum.com/

Все права защищены. Никакая часть этой публикации не может быть воспроизведена, распространена или передана в любой форме или любыми средствами, включая фотокопирование, запись или другие электронные или механические методы, без предварительного письменного разрешения издателя, за исключением случаев ограниченного цитирования и для некоторых других некоммерческих целей, разрешенных законом об авторских правах.

Чтобы получить информацию о разрешении воспроизведения этой публикации, пишите на адрес:
vl@strelbooks.com
или publishing@andronum.com.ua